

АЛЕКСЕЙ САФОНОВ

**МАШИНИСТ
МОТОВЕОЗА**

Сафонов Алексей

Машинист мотовоза

«Автор»

2026

Алексей С. Ю.

Машинист мотовоза / С. Ю. Алексей — «Автор», 2026

Стиам панк фантастика для подростков. Два школьника, увлеченные сталкингом в метро, попадают в подземный город. На загадочный подземный исследовательский поезд.

© Алексей С. Ю., 2026

© Автор, 2026

Сафонов Алексей

Машинист мотовоза

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА 1

Чужая школа

ГЛАВА 2

Дело о банде рыжих диггеров

ГЛАВА 3

Семейный совет

ГЛАВА 4

Ковбои подземки

ГЛАВА 5

Призрачный поезд

ГЛАВА 6

Дознание капитана Прохина

ГЛАВА 7

Луч света

ГЛАВА 8

Схватка в пути

ГЛАВА 9

Источник вечности

ГЛАВА 10

"Новый мир"

ГЛАВА 11

Подземная разведка

ГЛАВА 12

Дети инженера Горина

ГЛАВА 13

Последний полустанок

ГЛАВА 14

Машинист мотовоза

ГЛАВА 1

ЧУЖАЯ ШКОЛА

В окна школы ярко светит летнее солнце.

Солнечные лучи, разбивают на яркие полосы пыльный сумрак классной аудитории, беззаботно гуляют по классу, где им вздумается и без всякого разрешения. Теплый июньский ветер, пробравшись в приоткрытые окна, надувает занавески. Словно паруса неведомой флотилии трепещут они на ветру и зовут за собой в манящие неведомые теплые летние дали.

- Скорей! Скорей! - призывно машет парусами-крыльями спрятавшееся в занавесках лето, - Торопитесь! На реку! В лес! Прочь из душного города! Каникулы в разгаре!

Но напрасно реют на ветру паруса кораблей. Напрасно зовет и манит за собой жаркое лето...

У ребят, сидящих в классе, совсем другие заботы. И, судя по их сосредоточенным лицам, им сейчас совсем не до летних каникул.

Молча склонились они над партами. Сосредоточенно чешут в затылках шариковыми ручками, шепчут под нос, как волшебные заклинания, правила и формулы из арсенала школьных премудростей.

Сегодня в их жизни важное событие - вступительные экзамены в восьмой класс самой престижной школы района.

За одной из парт у самого окна сидит Пашка - обычный светловолосый подросток неполных четырнадцати лет, немного выше среднего роста, не очень складный, одетый в помятые джинсы и спортивную куртку. С задорно задранной кверху кончиком носа на упрямом лице.

Как и все сидящие с ним в классе ребята, он теперь что-то пишет на лежащем перед ним листке.

Как и все, сосредоточенно шепчет себе под нос школьные "заклинания" и от волнения чешет в затылке своей, с обгрызленным колпачком, шариковой ручкой, иногда страдальчески поднимая глаза к самому потолку.

Пашка, это выпускник седьмого класса, а теперь абитуриент престижной школы с углубленным изучением математики и экономики - Павел Герасимов.

Сам Пашка не любит таких официальных обращений. Особенно, если по имени и фамилии к нему обращаются, например, в школе. Он знает, что как правило за "официальными обращениями", неизбежно следуют "официальные" же неприятности.

Например, - внезапный вызов к школьной доске, или того хуже - с родителями "на ковер" к директору.

Поэтому, в общении с друзьями и знакомыми он предпочитает обходиться более простыми, короткими и звучными производными от своего имени: Пашка, Паха, Пахан. На крайний случай, просто - Павел.

Так к Пашке иногда обращаются его родители. Правда, когда они используют именно это обращение, то обычно не за горами приближение внутрисемейного воспитательного мероприятия - "разбора полетов", а по-простому - получения головомойки от любимых предков.

И сегодня вечером, грустно догадывается Пашка, ему точно этого не избежать.

И всё потому, что...

Уже около часа он бьется над решением своего вступительного теста. Отведенное на экзамен время подходит к концу, а тест заполнен от силы наполовину.

Пашка в панике трёт свои виски, пытаясь ускорить ход мыслительных процессов. Хлопает ладонью по крепкому затылку, подгоняя запаздывавшие мысли. Нервно перебирает ногами под партой. Как будто бежит невидимый марафон за знаниями.

Но даже такой радикальный "апгрейд системы" не помогает ему справиться с выполнением задания. Тест по-прежнему не поддается, стоит насмерть, как неприступная стена рыцарского замка.

Пашка в который раз начинает судорожно вчитываться в листок с экзаменационными вопросами, - один из многих листков, вынутым из большой желтой пластиковой папки, лежащей сейчас перед ним, на его парте.

На обложке папки крупными буквами напечатано - "Тестовые задания для поступающих в восьмой класс школы с углубленным изучением математики и экономики".

Эту папку сегодня утром Пашке выдали сразу при входе в экзаменационный класс.

Получив тестовые материалы, он расписался в экзаменационном журнале за то, что обязуется "не использовать посторонние учебные материалы и другие справочные средства при решении экзаменационных задач".

Подпись. Число. Точка. Все. Больше никаких шпаргалок и помощи из зала. Все мосты сожжены. Отступать некуда.

Суровые и молчаливые, как участники тайного ордена отцов-экзаменаторов, члены приемной комиссии выделили абитуриентам всего час на решение всех тестовых заданий. После чего они, тихо, как тени, растворились в сумрачных углах аудитории.

Вместе с остальными пришедшими на экзамен ребятами Пашка прошел в класс и сел на приглянувшееся ему место у окна с приятным видом на теплую, залитую летним солнцем городскую улицу.

Абитуриенты рассредоточились за партами, и молча, не глядя друг на друга, приступили к работе. Экзамен начался.

Пашка погрузился в работу вместе со всеми. Время, отведенное на решение теста, неумолимо понеслось вперед. Тест неожиданно оказался не таким простым, как показалось в начале.

Пашка уже близок к отчаянию. Отведенный час стремительно подходит к концу, а графы ответов в таблице заданий до сих пор заполнены только наполовину.

- "Ну, спасибо, предки... Удружили!" - в который раз с горечью корит он про себя своих родителей.

А ведь это они говорили ему:

- "Ничего сложного, не бойся! Вопросы будут не сложнее, чем по обычной школьной программе".

"Вот тебе и не сложнее", - думает Пашка, в который раз пытаюсь вникнуть в суть вопросов, заданных в экзаменационном тесте.

Но не всё так просто.

Пашкиных знаний для ответов на все вопросы теста явно не хватает.

Тогда Пашка осторожно, в пол-оборота, поворачивается направо и косит глазом в сторону соседней парты. Ему интересно, как там идут дела у конкурентов?

За соседней партой корпит над своим заданием не очень обычная девчонка.

"Экземпляр!" - восторженно разглядывая соседку, думает про себя Пашка. - "Ей бы в рок-группе выступать, а она - на бухгалтера собралась. Хотя... Тоже, наверное, родительское влияние!"

Девчонка одета в усыпанную блестящими металлическими заклепками черную кожаную куртку. Разноцветные волосы на голове вздыблены ежиными иглами всех цветов радуги. Кроме того, она с головы до ног обвешана цепочками и прочими острыми блестящими металлическими побрякушками. Пашка восхищенно разглядывает её бренчащую при каждом движении экипировку.

"Да уж. Ежик упал в бак с краской а потом заблудился в колючей проволоке.", - думает Пашка про себя с ироничной усмешкой про свою яркую соседку.

Девчонка, заметив его интерес к своей персоне, недовольно хмурится. Заслоняет от Пашки плечом стол с разложенными на нём листками, - её тест уже почти готов.

"Подумаешь... Тоже мне, тусовщица! А еще "металлисткой" прикидывается. Мальвина!" - злится он про себя на соседку.

Пашка отворачивается от соседней парты. Его расстраивает, что девчонка решила, что он хочет у неё списать.

"Очень надо, - сердится он - списывать у таких! Мы и сами с усами!"

Но на душе у него сейчас скребут кошки и настроение довольно кислое.

Пашка очень недоволен своими результатами. А что делать? Вот если бы не его лень, так мешавшая ему в течение всех семи школьных лет, он бы сейчас показал этой разноцветной кукле в заклепках за соседней партой, всю свою интеллектуальную мощь.

"Интересно, как будет теперь точнее сказать про мою работу? - с тоской думает Пашка, разглядывая незаполненные строки для ответов своего задания. - Тест наполовину полон или тест наполовину пуст?!"

За пересечениями черных линий таблиц и пронумерованными столбиками вопросов, как тайные знания древних цивилизаций, смутно угадываются тени правильных ответов - имена героев классической литературы, исторические даты и прочие премудрости школьной науки.

Но эти знания угадываются так смутно, что не складываются в Пашкиной голове в стройную систему четких правильных ответов.

Пашка тяжело вздыхает, зачем-то переворачивает листок с задачами на обратную сторону. Внимательно рассматривает её. Подсказок нет... Обратная сторона листа чиста и белоснежна, как альпийский снег на рассвете.

Убедившись в отсутствии там ответов на свои вопросы, Пашке ничего не остается, как перевернуть листок с тестом обратно.

Он с отчаянием смотрит на незаполненные пункты таблицы. Незаполненных по-прежнему больше, чем заполненных.

Пашка поворачивает голову в сторону окна, с грустью смотрит на улицу.

Внезапно его внимание переключается на происходящее совсем рядом, и не сильно примечательные на первый взгляд, события.

Пашка понимает, что не только ему одному сегодня приходится туго в этом жестоком мире.

В оконное стекло класса с монотонной безнадежностью устало бьется большая черная муха.

-Ж-ж-ж-ж... Бумс! Ж-ж-ж-ж... Бумс!

Отчаянно всем телом, бьется муха об невидимую преграду. Пашка уже некоторое время внимательно наблюдает за тщетными попытками упрямого насекомого выбраться на волю, и даже начинает сердиться на это бестолковое создание. - "Ну, давай же, давай! - нетерпеливо подгоняет он муху про себя. - Еще чуть выше, и там - приоткрытая форточка, а за ней - свобода!"

Он видит то, чего не видит она. Рядом с тем местом, где муха безуспешно пытается пробить своим телом толстое стекло, находится приоткрытое форточное окно.

Соседка справа громко отодвигает стул. Встает со своего места, собирает с парты листки своего задания и начинает пробираться к выходу. По пути она быстро заглядывает в Пашкино задание. Пашка показывает ей кулак. Презрительно фыркнув, девочка победно задирает нос. Сосед оказывается не только грубиян, но и полный неуч. В его тесте - сплошные пробелы и незаполненные графы. Девочка гордо несет свои работы на стол приемной комиссии, побрякивая на ходу всеми своими цепочками, заклепками и металлическими браслетами.

Пашка осматривается по сторонам. Аудитория стремительно пустеет. Пашкины соседи по партам, более продвинутые в знаниях, уже сдают работы и тихо выходят из класса.

Члены экзаменационной комиссии тоже начинают понемногу расходиться. Вскоре за учительским столом у доски остается всего два экзаменатора. Учитель - мужчина со строгим выражением лица и молодая девушка-студентка. В классе становится совсем тихо. Скучно пахнет раскрошенным мелом и мокрыми тряпками для вытирания доски.

Пашка остается совсем один, - самый последний из всех пришедших час назад на экзамен школьников.

Он понимает, что проиграл сегодняшний бой. И только личное упрямство пока не позволяет ему признать этого проигрыша.

Муха продолжает упорно биться в том же месте, где и час назад, все с тем же нулевым результатом... Просторы солнечной улицы по-прежнему недостижимы для неё, но она упрямо не замечает раскрытую неподалеку форточку.

Пашка не выдерживает - с выражением нетерпеливой досады на лице делает резкое движение в сторону окна, мысленно негодуя на муху за нерасторопность и тугодумие: "Ну что

за глупое создание! Неужели так тяжело взлететь немного повыше! Сколько можно повторять одну и ту же ошибку!"

Мужчина-экзаменатор, до этого что-то спокойно писавший за своим столом, чутко поднимает голову. Пашка, спохватившись, вновь усаживается на место. У него еще остается пара минут до окончания выделенного на сдачу теста времени.

Экзаменатор с подозрением наблюдает за перемещениями беспокойного абитуриента. Сидевшая рядом с ним помощница – молодая худосочная девушка в больших очках с сильными линзами, делавшими её похожей на умную стрекозу, тоже внимательно и недовольно смотрит в сторону Пашки. Он явно задерживает экзаменаторов, и отвлекает их от скорого и желанного приятного летнего времяпрепровождения.

Не обнаружив у абитуриента шпаргалок и попыток к списыванию, члены комиссии успокаиваются и вновь возвращаются к своим делам. Девушка утыкается очками в свой вузовский учебник по ботанике. Преподаватель, беззвучно шевеля губами, как будто приговаривая невидимых двоечников к их двойкам и колам, с недовольным выражением на лице вновь склоняется над столом, продолжает заполнять свои бесконечные школьные журналы.

Пашка, придает своему лицу многозначительную задумчивость, и последним мозговым штурмом пытается проникнуть в глубинную суть поставленных в тесте вопросов.

"Назовите пять отличий в стилистических решениях, используемых при создании классических литературных произведений, в зависимости от даты их создания".

Пашка в панике сжимает руками голову, скользит замученным взглядом по строчкам вопросов, пытаясь уловить ускользающий от него смысл.

"Кто только составляет эти тесты? Неужели есть люди моего возраста способные ответить на все эти вопросы? Наверно это какие-нибудь невероятные супермозговитые ботаники из другой галактики!" - отчаянно думает про себя Пашка.

Он представляет себе, как могут выглядеть такие "сверх-сверх-разумные ботаники из другой галактики"...

Потом представляет, как бы выглядел он сам, если бы обладал способностью отвечать на все эти заумные вопросы.

Брр! Картина получается не очень жизнерадостная.

Пашка снова наклоняется над заданием.

"Назовите главные даты исторических событий, предшествующих написанию романа "Война и мир".

Нет, сегодня явно не его день.

Он опять смотрит в сторону мухи.

Мухе пока везет больше. Она, наконец, нашла щель в приоткрытой фрамуге окна. Радостно потирая лапками, муха втискивается в щель форточки и, распрямив крылья, устремляется на улицу.

"Ура! Хоть комуто сегодня повезло..." - мысленно радуется за муху Пашка.

Но не тут-то было. Муха попадает в очередной переплет, точнее - в паутину, расставленную прямо в середине форточного проема.

"Эх! Вот ведь..." - расстраивается Пашка. Он даже подпрыгивает на месте от переживания.

Загудев, как маленький вентилятор, муха пытается вырваться из липких нитей паутины. К сожалению, от этого она только еще больше запутывается в коварной охотничьей снасти. На шум появляется и сам владелец сетей.

Коротколапый коренастый паук неторопливо выползает откуда-то из темной щели между рамами. Внимательно подергав лапой за нить паутины, он убеждается в наличии добычи. Затем, паук уверенно и спокойно направляется к своей непрошенной, но весьма желанной

гостье. Приблизившись, не спеша начинает обматывать муху новыми нитями паутины. Паук уверен в себе и явно располагает временем, чего не скажешь о мухе.

Да и Пашкин час, выделенный ему на сдачу экзамена, тоже вдруг неожиданно заканчивается.

?Молодой человек, время. Прошу Вас сдать Ваш тест.

Пашка отвлекается от завладевшей его вниманием судьбы мухи. Поворачивает голову на голос. Экзаменатор, мужчина со строгим выражением лица, стоит у Пашкиной парты. Он нетерпеливо протягивает руку за листом экзаменационного теста, официально и несколько равнодушно смотрит куда-то мимо Пашкиной головы.

"Правильно, - думает Пашка. - Чего ему на меня радоваться? Сколько нас тут таких сидело за этими партами?"

- Пожалуйста! - Пашка протягивает тест экзаменатору. Тот внимательно рассматривает незаполненные до конца графы таблицы. Удивленно вскидывает брови:

- Это все? Не густо, молодой человек.

Пашка виновато пожимает плечами.

Экзаменатор, снисходительно улынувшись, констатирует:

- Ну что ж, Вам видней. Ожидайте результатов экзамена.

- А сколько ждать? - самонадеянно интересуется Пашка.

- В Вашем случае, я думаю, недолго, - как отрезает в ответ строгий экзаменатор и отходит к своему столу.

Они начинают негромко переговариваться с девушкой, шелестеть страницами документов, изредка по очереди бросая строгие и неодобрительные взгляды в Пашкину сторону.

Пашка расстраивается. Все-таки в своей школе он считался не самым последним учеником.

"Ну и ладно!" - пытается он не совсем убедительно успокоить сам себя. - "Жизнь на этом экзамене не заканчивается!"

Пашка опять поворачивается в сторону окна. Там, в солнечном свете прекрасного летнего дня, продолжает развиваться маленькая мушиная драма.

Паук, замотав муху плотным коконом паутины, готовится нанести своей добыче последний ядовитый укус.

"Вот гад!" - мрачно думает Пашка. - "Жалко муху! Наверное, хуже нет, чем умереть в такой солнечный теплый летний день!"

Он сидит и думает, что неплохо бы встать и помочь несчастной жертве. А кто бы помог ему? Он и сам сейчас находится в не самой лучшей жизненной ситуации.

Учитель-экзаменатор, неожиданно собрав свой портфель, не попрощавшись, молча выходит из класса, напоследок неприветливо хлопнув дверью аудитории.

"Как-то не очень вежливо", - думает про себя Пашка и готовится к худшему. Худшее не заставляет себя ждать.

Девушка из комиссии, оставшись одна, еще что-то немного почиркав карандашом в Пашкином тесте, собирает листки и направляется в его сторону.

- К сожалению, согласно количеству набранных баллов Вашего тестового задания, Вы не подходите для обучения в нашей школе, - говорит она, раскладывая на столе перед Пашкой результаты своих подсчетов. - У нас очень высокие требования к абитуриентам. Ваши баллы не дотягивают в процентном соотношении до требуемого уровня, - строго добавляет девушка, с чувством легкого превосходства глядя на Пашку сквозь очки.

Пашка смущенно сопит. Он не любит проигрывать, да и о поражении ему сообщили в очень уж обидной для его самолюбия форме.

Девушка поправляет на носу свои очки со стрекозиными глазами за мощными линзами, продолжая вежливо и чуть вопросительно на него смотреть.

- А сколько надо, в процентном соотношении, чтоб дотянуть до нужного уровня? - угрюмо интересуется Пашка у "стрекозы".

- В два раза больше, чем в предоставленном Вами тесте, - холодно отвечает та.

- Впрочем, - проявляет она некоторую милость, заметив Пашкино подавленное состояние, - Вы можете попробовать получить среднее образование через экстернат, или, например, в системе профтехобразования. И рекомендую Вам обязательно записаться на подготовительные курсы, чтобы расширить и углубить Ваши знания.

- Профтехобразование? - переспрашивает Пашка. - Это что? В смысле -рабочим на заводе?

- Ну почему только на заводе. Профессии бывают разные... Впрочем, я в этом не очень хорошо разбираюсь. Вот Ваши документы, до свидания.

Девушка отдает Пашке папку с его документами и снова возвращается за свой стол у доски. Утратив к слабому абитуриенту всякий интерес, она опять утыкается носом в свою ботанику.

- До свидания, - автоматически прощается с ней Пашка. Забрав документы, он грустно бредет к выходу из класса. Вдруг он останавливается, неожиданно вспомнив о несчастной мухе.

- Извините, еще одно дельцо.

Девушка с недоумением смотрит на него.

Пашка быстро подходит к окну аудитории. Открывает форточку.

Ф-фух-х! Успел!

- А ну отдыхай, мохнатый! - говорит он и щелчком пальца отправляет склонившегося над мухой паука в сильный нокдаун. Паук отлетает в самый дальний угол окна. Затем Пашка сворачивает в трубочку листок своего теста и разрывает затягивающую форточный проем паутину. Ошалевшая от пережитых волнений муха наконец-то вылетает на волю. Неуверенно покачиваясь на просторе солнечной улицы, она расправляет свои примятые паутиной крылья. Затем, сделав несколько тренировочных воздушных пируэтов, муха стремительно улетает в сторону солнца.

- Вот теперь все! - говорит Пашка удивленной девушке.

- До свидания! - Он комкает и выбрасывает в мусорную корзину ненужный ему больше листок с тестом и выходит прочь из аудитории.

"В системе профобразования... Просто ей говорить о профтехобразовании, сидя в обнимку со своей ботаникой!" - расстроено думает про себя Пашка, шагая по улице домой.

"Да может, я и сам не против профотехобразования!" - говорит он себе вроде как для самоуспокоения.

Но потом, задумавшись, Пашка начинает прикидывать в голове все плюсы и минусы такого развития событий: "В школу для супер-гениев я в этом году, по баллам не прошел. Да и мне самому там не очень-то все понравилось. А что дальше? Ещё пару лет в своей школе с ребятами. А потом... поступлю в какой-нибудь технический колледж. А что? Три года и закончу одиннадцать классов, плюс какая нибудь специальность в придачу. И деньги, говорят, в колледже серьезные на практике платят. Не то, что студенческая стипендия! В общем, может все не так и плохо получится. Надо только со специальностью определиться. Стране ведь нужны молодые технически грамотные профессионалы рабочих специальностей! Ну и потом, никто же не мешает поступать учиться дальше. На высшее...Осталось только убедить в этом своих родителей. Представляю, что скажет отец, когда узнает, что я провалил экзамены... А что будет с мамой?!"

Даже прекрасный летний день не мог отвлечь Пашку от этих мрачных размышлений о грядущих семейных неприятностях.

У своего дома на спортивной площадке он видит Юлу.

Вообще-то Юлу зовут Юлием. Это необычное имя досталось ему в связи с увлечением его матери одним из героев древнеримской истории. Самому Юлию его имя категорически не нравится. Он усиленно качает мышцы пресса и плеч, чтоб все проблемы, связанные с этим вопросом, автоматически снимались у потенциальных оппонентов при виде его превосходящей физической мощи.

Вот и сейчас Юла выполняет упражнения для рук на сваренном из металлических труб тренажере. Эта незамысловатая конструкция заменяет ребятам из дворовой компании, живущим по соседству, спортивные бруссы.

- Здорово, Пашка! - бодро пыхтит Юла, выполняя попеременные жимы и махи ногами, чередуя их с упражнениями на плечи и локти. На руках у него щеголеватые белые строительные перчатки с резиновыми пупырышками, для того чтобы ладони не пачкались и не проскальзывали на ржавом железе тренажера.

- Чего ты такой кислый? На второй год оставили? - Юла делает стойку из выхода силой, и красиво фиксирует ноги в позе "уголок". Пресс у него - что надо.

- Вроде того, только хуже.

Пашка запрыгивает на бруссы с другой стороны тренажера. Выполнив несколько жимов, спрыгивает на землю. Настроения для занятий у него совсем нет.

- Серьезно! Еще хуже? На третий что ли?! Ну ты даешь Паха.. Не ожидал от тебя! Ты же у нас в классе самый круглый отличник. Круглее не бывает! - удивленно присвистнув, Юла спрыгивает с брусьев на землю.

- Выходит, бывает, - грустно говорит Пашка, вспомнив свой позорный провал на недавнем экзамене и замолкает, тоскливо глядя себе под ноги.

Юла задумчиво играет плечами. В этом году он усиленно тренировал плечи. Плечи у него получились не хуже пресса, - горой! И Юла не без основания гордится этим своим достижением.

- Ну ладно, не томи! Что там у тебя за проблемы с поступлением? - пытаюсь разговорить Пашку, интересуется Юла.

- Да уже нет никаких проблем Юла - с горечью в голосе отвечает своему товарищу Пашка. - Я в экономическую школу, куда меня предки отправили на сдачу тестов, не поступил!

- Ничего себе! Ты - не поступил?! Seriously?! Да даже я бы легко поступил! - Юла явно озадачен Пашкиной учебной неудачей.

- Ну и куда бы ты поступил? - язвительно спрашивает его Пашка.

- Как куда? - удивляется Юла. - Куда все пацаны с нашего двора поступают. В это, как его... училище по ремонту и обслуживанию холодильного оборудования. К дому близко, и работа после окончания, - не бей лежачего. Все холодильники в районе - твои. Ну, там, в магазинах, кафе. В общем, нужная специальность!

- И что? Это, по-твоему, получить престижное законченное среднее образование? С холодильным уклоном?... Ты что, разницу между школой с уклоном и техническим училищем, совсем не понимаешь? - разгорячившись, сердито выпаливает Пашка.

Юла задумчиво хмыкает. Пожимает удивленно своими мощными плечами.

Пашка пытается разъяснить ему свою ситуацию:

- Я не поступил в восьмой класс специализированной школы с экономическим уклоном... Чтоб потом, после одиннадцатого, как родители, - на бухгалтерский учет и управление в вуз поступать проще было!

- Знаешь чего, Паха! - Юла задумчиво чешет свою коротко стриженую голову. - Тебе самому-то нужен этот бухучет? Что это за профессия такая? Бухгалтер! Всю жизнь чужие деньги считать. Тебе это надо?

- Ты это моему отцу скажи, - грустно отвечает Пашка, вспоминая о грядущем неприятном разговоре с родителями.

- Нет, насчет родителей спору нет! Как они решат, так конечно и надо делать. Тем более, что у тебя батя сам бухгалтер. Но ты уже все равно пролетел с этой своей спецшколой. Так что, давай, планируй пока к нам, в "холодилку". Своя компания. Вместе веселей будет! А дальше - время покажет.

- Ладно, подумаю! Если только отец вечером не прибьет...

- Не бойсь, Паха, твой - не прибьет! С отцом тебе повезло. Бухгалтере. Не то, что у меня - дальнбойщик. Вот мой - уж как приложит, так приложит!

Пашка согласно кивает головой. Тут ему действительно повезло больше. Хотя и у него с отцом не все так гладко, как представляет себе Юла.

- Ну а если и настучат немного по ушам для воспитания, - продолжал свою мысль Юла, - так нам это только на пользу. Крепче будем! Согласен?!

Юла шутя, делает выпад правой, обозначив боксерский удар в Пашкину челюсть.

Пашка уворачивается и дает Юле крюком снизу. Раззадорившись, несколько минут они увлеченно боксируют.

Запыхавшись, Юла командует:

- Все, Паха! Брейк!

Друзья садятся на лавочку у дома. Юла, слегка отдышавшись, оглядывается по сторонам и шёпотом говорит:

- Слушай, да не раскисай ты так! Было б из за чего. Не сдал сегодня сдашь завтра свои экзамены..А лето то проходит... Давай, может, скатаемся сегодня, а? Разрулишь проблемы с родителями, и айда! Проветримся...

Пашка сразу прибодрился:

- А откуда поедем? - так же тихо, осмотревшись по сторонам, спрашивает он. - На "Заводской", я слышал, все "ходы" закрыли.

- Как закрыли, так и открыли! Я другой нашел - на "Восточной". Покажу, - закачаешься! Никто пока кроме меня не знает. Ну, так что? Поедем сегодня? Или боишься? - с подковыркой спрашивает Юла.

- Кто, я?! С чего бы это? - вскипает Пашка.

- Кто вас, бухгалтеров, знает! - продолжает подначивать друга Юла. - Ладно, ладно, шучу. Короче, вечером, как всегда, на "Восточной". Камеру не забудь! Фонарик. Кеды... Ну, в общем, все как обычно. Встречаемся в шесть. До вечера. А то у меня мышцы уже подостыли. Смотри, чтобы как штык сегодня, не опаздывай!

Юла надевает перчатки и вновь запрыгивает на тренажер. Запыхтев, начинает крутить ногами "вертолетик" над брусьями.

Пашка, решительно вдохнув полную грудь воздуха, входит в подъезд своего дома. Впереди его ожидает невеселая встреча с родителями.

ГЛАВА 2

ДЕЛО О БАНДЕ

РЫЖИХ ДИГТЕРОВ

На небольшую улочку одного из районов периферийной части города не спеша въезжает сине-белый полицейский микроавтобус. Он останавливается у небольшого двухэтажного здания с вывеской "ПРОДМАГ N1" над козырьком. Несмотря на раннее утро, возле магазина уже стоит несколько служебных полицейских автомобилей. Тревожным светом вспыхивают синие огни "мигалок". У входа в магазин скучают в оцеплении, переминаясь с ноги на ногу, недвольные ранним подъемом дежурные патрульно-постовой службы.

Боковая дверь приехавшего автобуса с надписью "Оперативная служба", заскрежетав, отъезжает в сторону. На улицу из салона выглядывает немного заспанный, крепкого вида мужчина. Он внимательно осматривается по сторонам, зябко поеживаясь от утреннего ветерка,

кутается в помятый светло-серого - "мышинного" цвета болоньевый служебный плащ. На улице, как обычно в такие часы, свежо и прохладно, поэтому приехавший не спешит покидать теплый салон автобуса.

К автобусу проворно подбегает молодой полицейский. Он тут же узнает известного в управлении МВД специалиста по уголовному сыску, оперуполномоченного капитана Прохина. Участковый радостно улыбается ему, и, взяв под козырек фуражки, старательно и громко начинает докладывать:

- Товарищ капитан! Лейтенант Горбунов, старший участковый по одиннадцатому району. Это я обнаружил подкуп и вызвал патруль на место происшествия, - молодцевато рапортует участковый, потом, спохватившись, добавляет: - Точнее, мест происшествия - два. Первое - здесь, в магазине. Второе - рядом, неподалеку, в помещении школьной библиотеки. Есть свидетель.

- Свидетель? - приятно удивляется прибывший сыщик. Поощрительно улыбаясь, он хлопает участкового по плечу. - Свидетель, это хорошо, лейтенант. Молодец! Хорошо сработал.

Полицейский вскидывает голову, сияя счастливой улыбкой. Ему приятна похвала такого авторитетного специалиста.

Капитан Прохин, разогнувшись, выбирается из салона. Начинает прыгать на месте с носков на пятки, с пяток на носки, разминая затекшие ноги. Неожиданно бьет пару тактов чечетки. Потом выдает еще несколько коленцев, но уже в ритме степа. Может со стороны это выглядит немного несовременно или несвоевременно, но зато капитан чувствует, как его кровь все быстрее разгоняется по жилам, и свежий утренний ветер уже не кажется ему таким неудобным.

Участковый с вежливой улыбкой молча стоит неподалеку и терпеливо ждет дальнейших распоряжений от разминающегося у служебного автобуса в старомодных танцевальных "па" оперативного волка.

Капитану "недалеко" за пятьдесят, но он выглядит достаточно моложаво для своего возраста. Как все люди с его типом лица - "вечный подросток". Коренастый, небольшого роста, с коротким ежиком на голове, с задиристо задранной по-боксёрски примятым небольшим носом и крепкой челюстью на плотном квадратном лице, Прохин вызывает у окружающих его людей ощущение спокойной силы и правоты в своем деле. Враги уважают его за справедливость. Друзья - за надежность.

Разогревшись, капитан прекращает бить каблуками, быстро восстанавливает дыхание. Он поднимает воротник и запахивает полы своего плаща. Хлопает себя по карманам на предмет проверки сохранности их содержимого и начинает внимательно оглядываться вокруг.

Осенней листвой шелестят на утреннем ветерке красно-белые ленты ограждения. Несмотря на раннее утро, на месте происшествия уже всюду кипит оперативная суeta. Капитан с удовольствием погружается в ее атмосферу.

Он любит свою работу, и не зря считается в своем ведомстве одним из лучших специалистов по розыскному делу.

Капитан начинает неспешный обход места происшествия. Участковый почтительно следует за ним. Прохин обходит вдоль всего огороженного лентами безопасности периметра места происшествия, внимательно смотрит под ноги и по сторонам. Окурки, мусор, различный строительный хлам, попадающийся на глаза, пока не дают капитану ни малейшей зацепки для дальнейших оперативных размышлений или следственных выводов.

По дороге Прохин здоровается с фотографом из криминального отдела, щелкающим направо и налево яркими слепящими глаза вспышками своей камеры.

Капитан отдает несколько распоряжений стоящим в оцеплении полицейским. Заботливо поправляет криво привязанные к дереву ленточки ограждения. Кормит ванильными сухариками, припасенными в объёмистых карманах его служебного плаща, розыскную собаку, овчарку Гретту.

Не обнаружив на улице ничего интересного, капитан Прохин обращается к сопровождающему его участковому:

- Лейтенант, идемте, покажите-ка мне теперь место подкопа.

Участковый делает приглашающий жест рукой в сторону дверей главного входа в магазин. Они вместе поднимаются по ступенькам небольшого крыльца и входят в помещение магазина. Посередине небольшого торгового зала, возле странной дыры в полу, похожей на лунный кратер из-за вздыбленных обломков кафельной плитки по краям, стоит несколько человек исключительно важного вида.

"Члены правительственной комиссии", - догадывается Прохин. То, что сюда прибудет важная комиссия "с самого верха", капитану сообщили по телефону девушки-операторы из его управления, когда передавали ему вызов на происшествие.

Среди стоящих у провала в полу людей, капитан узнает и своего начальника, генерала Скороварова, а рядом с ним - его зама. Рядом еще несколько неизвестных ему, но, судя по внешнему виду, весьма важных чиновников рангом повыше, прибывших сюда прямо из центрального управления, а может, и из самого министерства.

Там же находится и глава городской управы. Неподалеку что-то записывает в блокнот и щелкает затвором фотоаппарата молодая девушка-корреспондент из местной газеты. Еще один, наспех одетый грустного вида господин, судя по всему, является директором ограбленного торгового заведения. Похоже, что он прибыл сюда напрямик из своей постели, второпях натянув на себя из одежды то, что оказалось у него под рукой.

Одетый в одни пижамные штаны в полоску, и деловой пиджак накинутый поверх яркой футболки, директор стоит на груде битой плитки, валом лежащей вокруг дыры в середине зала, и, нагнувшись над провалом, грустно и растеряно вглядывается в чернеющую глубину подземного хода, видимо пытаясь разглядеть в его сумраке следы похищенного добра, по его утверждениям, стоящего огромных денег и нажитого непосильным трудом.

"Так! - проникается ситуацией Прохин. - Плохо дело. Все начальство в сборе. И полицейское, и городское, и центральное. Значит действительно случилось что-то очень серьезное."

Но что же могло произойти здесь?

Что заставило всех этих важных людей с утра пораньше собраться в зале небольшого магазинчика в захолустном районе города?

Взгляд Прохина останавливается на человеке, стоящего немного поодаль от остальной группы и явно отличающегося и внешностью и поведением от всех присутствующих.

Капитан пытается прикинуть, кто бы это мог быть. Не военный, это точно! Внешность слишком ... странная. Это пожилой, несуразный, не очень аккуратно одетый мужчина в очках, с огромной лысиной и седой взъерошенной бородой. Прохину сразу бросается в глаза выражение едкого скептицизма во взгляде, с которым старик, стоящий немного в стороне от собравшихся, внимательно наблюдает за перемещающимися с умным видом по месту происшествия членами важной комиссии.

"Профессор", - как следует разглядев пожилого скептика в очках, определяет про себя его типаж капитан Прохин. Профессия научила его точно классифицировать даже незнакомых ему людей и раскладывать их типаж в своей голове по понятным только ему одному полочкам. Сколько раз выручало его это интуитивное умение, позволявшее ему тактически просчитывать ситуацию на несколько ходов вперед и предпринимать действия, опережающие на несколько шагов, действия его противников.

Капитан подходит к стоявшим возле пролома в полу и здоровается.

Генерал Скороваров радостно и громко представляет его собравшимся:

- Прошу любить и жаловать, - капитан Прохин! Лучший оперумолномоченный нашего управления. Капитан нам это дело на раз расколет! Не так ли, капитан?!

"Лучше бы он помолчал", - недовольно думает про себя Прохин.

Он не очень хорошо ладит со своим начальством. Начальство, отвечает ему полной взаимностью.

В основном границы разногласий капитана с руководством проходят в области несоблюдения строптивым опером внутренних формальностей ведомства и обычной субординации.

Но! Прохин дает хорошие результаты по раскрываемости, и ему за это многое прощается. Члены комиссии улыбаются вежливо, но кисло, видимо не очень-то доверяя способностям какого-то "оперуполномоченного" да еще в непростительном для его почтенного возраста, чине капитана, разрешить волнующую их проблему, из-за которой все они были подняты по тревоге и доставлены в столь ранний час на эту забытую богом городскую окраину.

Прохин не обращает внимания на эту "кислую" реакцию со стороны высшего руководства. Он привык дорожить мнением тех, кого считал проверенными профессионалами и специалистами, потому как его золотое правило гласит, что только специалист может ценить мнение другого специалиста. А на мнения неспециалистов Прохин старался не обращать особого внимания.

Оставив без комментария риторический вопрос генерала Скороварова, капитан подходит ближе к краю дыры. Вытянув шею смотрит вниз. Затем легко забирается на грудку битой плитки по краям зияющего отверстия и заглядывает вниз.

Стоявший рядом на кучи битой плитки директор магазина продолжает подсчитывать свои убытки, загибая пальцы уже на руках обеих рук:

- Двенадцать коробок мясных консервов! Десять килограмм конфет! Копченая колбаса. Ящик икры... Всё ушло под землю! А кто за это ответит? Кто будет компенсировать убытки?! - с преувеличенным трагизмом периодически обращается он в гулкую, зияющую у его ног пустоту подземного хода.

С каждым новым подсчетом количество похищенного товара неизменно увеличивается.

Не получая ответа на свои риторические вопросы, директор расстроено машет рукой. Одергивает накинутый прямо поверх яркой футболки деловой пиджак. Смотрит на капитана, видимо, ожидая от него хоть какого-нибудь сочувствия.

Капитан вежливо молчит, как всегда предпочитая больше слушать и меньше разговаривать. За свою жизнь он всякого повидал. И всяких... Сейчас он с интересом рассматривает яркую картинку с замысловатой иностранной надписью на футболке директора.

"Супермен спасет мир! Не так ли?" - вопрошает напечатанный большими, во всю грудь, разноцветными буквами трафарет слогана на английском языке.

Прохин на досуге изучает английский. Он пользуется моментом немного попрактиковать свои знания. С удовольствием отмечает, что легко, без словаря, справился с переводом заковыристо составленного предложения.

Заметив интерес, проявленный Прохиным к своей одежде, директор стыдливо запахивает полы пиджака. Он понимает, что чувство жалости и оперуполномоченный Прохин ходят в этом мире по разным дорожкам, сникает головой, и в безмолвно вопрошающей позе вновь склоняется над чернотой провала.

"Переигрывает" - решает про себя Прохин.

Мысленно берет директора на заметку. В списке тех, кто не мог бы пользоваться его доверием, после начальства коммерсанты и предприниматели стояли вторым номером.

Капитан внимательно всматривается в глубину лаза. Сразу под залом находится небольшой технический полуподвал. Какие-то трубы и электрические кабели на стенах. До отверстия в полу подвального помещения метра полтора высоты. У края отверстия стоит небольшая алюминиевая лестница-стремянка. Прохин запахивает полы плаща и, осторожно, чтобы не испачкаться, спускается по хлипким ступенькам вниз.

Потолок подвала очень низкий. Прохин приседает над продолжением подземного хода, пробитого уже в полу подвального помещения. Узкая дыра уходит глубоко вниз.

"Взрослому не пролезть" - отмечает про себя Прохин. Вглядывается в темноту. Конец лаза теряется где-то глубоко внизу. Капитан сплевывает в дыру. Ждет немного. Внимательно вслушивается в пустоту отверстия.

- Метров шесть. Или восемь, - негромко комментирует он про себя результат своего следственного экспресс-анализа.

- Девять. Девять метров капитан.

К капитану по шаткой алюминиевой лесенке, приставленной к краю ямы, спускается старичок, которого Прохин до этого определил для себя как профессора. Старичок, с необычной для его возраста сноровкой, легко преодолевает опасный спуск.

- Профессор Левин, - представляется он сыщику. Прохин улыбается про себя, радуясь своему точному попаданию в угадывании профессии незнакомца.

- Член Академии наук в области геологоразведки и геодезии, - продолжает профессор. - Ну и еще, по совместительству, - профессиональный маркшейдер, инженер по проектированию и строительству промышленных объектов подземного размещения. Я замерял глубину с помощью лазерного измерителя.

Теперь они оба склоняются над дырой подземного лаза.

- Обратите внимание на стены тоннеля, капитан, - говорит профессор Левин.

- Видите, как блестят его стенки. Это связующий раствор. Напоминает смесь цемента и жидкого быстро застывающего стекла.

- А куда ведет лаз? Что там, на дне? - спрашивает Прохин.

- В том то и дело, что ничего, - с досадой отвечает Левин. - Просто дно. Пробка. Дальше ход закупорен тем же раствором, что и стены лаза. Глина и какой-то стеклообразный клей вроде эпоксидной смолы.

- А взрывать или бурить не пробовали? - живо интересуется капитан.

- Взрывать?! Да Вы что, капитан! - с возмущением отвечает профессор. - Над нами жилые кварталы. Город!

Он сердито указывает пальцем в потолок, низко нависший над головами.

Прохин вежливо кивает головой в ответ в знак согласия. Да, да, конечно. Он упустил это из виду.

- Пробовали сверлить, - продолжает профессор. - Не здесь. В другом месте. Буры не берут этот состав. Ломаются. Очень толстый и прочный слой. Кроме того, там еще алмазная крошка добавлена.

- Алмазная? - удивляется Прохин, ему становится более понятным интерес государственной комиссии к этому делу. Спohватившись, он переспрашивает: - А что значит в другом месте? Были еще какие-то подобные случаи?

- Да. Было еще три подобных происшествия. Несколько лет тому назад, - неохотно отвечает профессор. Заметно, что ему неприятно говорить на эту тему.

- Из государственных соображений эта информация была закрыта, - продолжает он. - Пробовали разобраться своими силами, но возникли новые обстоятельства. И тогда было принято решение подключить Ваше управление.

- Правильное решение. Лучше поздно, чем никогда, - соглашается с ним капитан Прохин, а про себя думает: "По государственным соображениям - закрыли, а как ответственностью делится - сразу открыли!"

Но вслух он, конечно, ничего такого не говорит. Капитану иногда удается быть дипломатичным. Правда, не так часто, как хотелось бы ему самому.

Прохин внимательно осматривает пол у входа в тоннель. Внезапно замечает что-то прилипшее к самому краю боковой стенки входа. Осторожно берет пальцами привлечшую его внимание находку. Внимательно рассматривает её, затем бережно заворачивает в свой сложен-

ный вдвое носовой платок. Спрятав свернутый платок во внутренний карман плаща, Прохин начинает наблюдать за тем, чем занят сейчас профессор Левин.

Тот бесстрашно забравшись по самый пояс далеко в темную глубину подземного лаза, соскребаёт с одной из стен узкого тоннеля образцы крепежного раствора.

- Ну что, капитан! - грохочет сверху басом генерал Скороваров. - Профессор Левин объяснил Вам ситуацию? Надеюсь, Вам уже все ясно!

- Настолько, насколько это возможно в заданных обстоятельствах и с таким освещением, - отвечает капитан снизу.

- Ну а раз так, - пропускает генерал мимо ушей очередную явную колкость своего подчиненного, - хватит Вам там секретничать между собой. Поднимайтесь вверх. Расскажите, что Вы думаете, как специалист розыскного дела, о сложившейся ситуации!

"Нет покоя от начальства ни на земле, ни под землей" - досадует капитан и поднимается вверх по шаткой лестнице. Профессор карабкается следом.

- Ну так и что, капитан? - снова громко интересуется генерал, больше обращаясь к начальству и позирруя для газеты. - Когда поймем злодеев? Вернем покой любимому городу?! Только давай конкретней! Без всяких там беспочвенных предположений! А то товарищи из центра беспокоятся, не завелись ли в нашем в городе, под землей, опасные международные террористы? Какие у Вас есть версии по этому происшествию?

Прохин задумывается. Он догадывается, куда клонит генерал, и какой рабочий вариант версии требуется сейчас от него.

- Ну, если навскидку, - немного подумав, отвечает сыщик, - скорее всего, подростки балуются. Диггеры. На это указывает размер лаза и характер похищенного имущества. Я думаю, через недельку мы разберемся с этим вопросом.

По умиротворенному лицу генерала Прохин понимает, что попадает в точку.

- Молодец, капитан, - грохочет голосом генерал. - Быть тебе майором! Выдав капитану этот не первый за его жизнь должностной аванс, Скороваров с довольным видом обращается к членам комиссии: - По результатам предварительного расследования, проведенного совместными силами наших специалистов, возникла версия, которую можно принять за основную.

В данном случае мы столкнулись с обычным фактом подросткового вандализма. Предположительно действовала группа диггеров. В нашем городе еще, к сожалению, встречается молодежь, увлекающаяся этим экстремальным видом времяпрепровождения. Не сидится им спокойно по домам, понимаешь! - входит в педагогический раж генерал Скороваров. Он грозит пальцем в потолок, обращаясь к невидимым малолетним правонарушителям, затем продолжает, повернувшись к внимательно слушавшим его членам комиссии: - Знаете, сейчас столько всяких неформальных объединений молодежи развелось! Диггеры, зацеперы, граффитчики разные. Но наше управление во время пресекает все подобные противоправные действия. Я думаю, в ближайшее время пресечем и эту группировку. Да капитан?

Прохин утвердительно кивает головой в подтверждение слов начальника управления. Его лицо невозмутимо спокойно. Он достаточно давно работает в конторе, чтобы близко к сердцу принимать все, что говорится на брифингах для официальных лиц.

В глазах членов комиссии сквозит легкое недоверие к словам генерала. Но Скороваров умеет быть убедительным.

Прохин вежливо раскланивается. Пытается тихонько покинуть место высокого собрания. Вежливо обращается к генералу:

- Вы извините. Мне надо поработать со свидетелями.

- Все, что считаете нужным для дела, капитан! - ласково рокошет Скороваров и обращается к профессору Левину: - Профессор, надеюсь, окажет нам со своей стороны, как специалист и официальный представитель государственной группы по научной части, свое полное содействие и поддержку в рамках обозначенной следствием версии случившегося.

- Несомненно, несомненно. Помогу, чем смогу! В рамках официальной версии, - отвечает Левин.

- Ну и отлично! Не будем мешать работе специалистов! - радостно подводит итог генерал. Гостеприимно разводит руками. - А теперь прошу всех за мной! Нас ждет небольшой завтрак! Заодно познакомимся с достижениями нашего управления за текущий год! - обращается Скороваров к членам комиссии, увлекая их за собой. Замечает отставшего профессора: - А Вы, профессор? Как насчет завтрака?

Левин поспешно отвечает ему:

- Я, с Вашего позволения, задержусь. Нам с капитаном нужно пройтись по всем деталям произошедшего.

- Ну, это как Вам будет угодно, батенька, - "по-интеллигентному" удачно, как ему кажется, шутит генерал, и напоследок кричит, обращаясь уже к стоявшему неподалеку с утомленным видом Прохину:

- Капитан, для Вас я всегда на прямой связи! Держите меня в курсе всех дел! - Роко-чущий бас Скороварова затихает вдаль. Хлопают двери служебных автомобилей. Комиссия наконец-то убывает восвояси.

Прохин с облегчением мысленно машет рукой вслед генералу и подзывает скучающего неподалеку криминалиста. Разворачивает свой платок. Протягивает ему свою недавнюю находку.

- Держи вещдок. Аккуратно! Не потеряй. Сразу упакуй в контейнер.

Криминалист внимательно рассматривает подобранный Прохиным образец. Это длинный и жесткий волос рыжего цвета.

- А клиент-то наш, похоже, из рыжих будет, - говорит криминалист. Весело улыбается, рассматривает волос, говорит утвердительно: - Рыжее не бывает!

Профессор подходит посмотреть на находку.

- Да! Как и в других местах, тоже рыжий! - говорит он.

- Почему в других местах - тоже рыжий?! - начиная раздражаться, спрашивает Прохин у профессора. - Профессор, перестаньте, наконец, говорить загадками. Я бы хотел знать всю информацию по предыдущим происшествиям. Где они произошли? Что пропало? Свидетели? Почему эта информация засекречена? Я хочу знать все обстоятельства произошедшего!

Профессор внимательно смотрит на Прохину. Спрашивает с вежливой улыбкой на лице:

- Вы уверены, что точно хотите узнать все по этому вопросу?

- Послушайте, профессор! - начинает выходить из себя капитан в ответ на язвительность Левина.

- Товарищ капитан, - торопливо напоминает о себе стоявший неподалеку участковый. - Я как раз по поводу свидетелей...

- Да, лейтенант? - Прохин успокаивается, вопросительно смотрит на участкового. Потом вспоминает: - Точно! Что там у нас со свидетелем? Где он?

- Она, - поправляет Прохину лейтенант. - Это дежурная вахтерша из школы. Здесь неподалеку. Я не стал приглашать её сюда. Женщина пожилая. Сильно напугана.

- Понятно. Поехали! - быстро принимает решение Прохин, и обращается к профессору: - А Вы, профессор? Вы с нами?

- Да! Да! Конечно! - торопливо отвечает Левин. - Свидетель, это очень важно. До этого, все подобные случаи происходили без свидетелей. И продолжим нашу беседу чуть позже, капитан.

Прохин согласно кивает ему головой.

Они быстро идут к выходу из зала. Участковый торопится следом. Впервые за всю службу на его "скудном" участке происходит столько важных и интересных событий.

Здание школы находится совсем рядом, на соседней улице, расположенной неподалеку от ограбленного магазина.

Приехав в школу, Прохин и его спутники сразу проходят в помещение школьной библиотеки. Вход во второй туннель находится там. Дыра подземного лаза зияет прямо между длинными рядами заполненных книгами стеллажей. Вокруг отверстия валяются разбросанные книги с порванными страницами и куски цементного пола вперемешку с осколками битой напольной плитки.

Участковый представил Прохину свидетельницу происшествия, случившегося ночью во время её дежурства.

Это дежурная вахтерша, зовут ее Клавдия Петровна. Этой ночью как раз было её дежурство, и именно она стала нечаянной свидетельницей странного происшествия, случившегося в школьной библиотеке. Пожилая женщина испуганно вздрагивает, вспоминая кошмар пережитой ночи.

Сбивчиво рассказывает капитану про свое ночное приключение.

- Я в этой школе десять лет уже работаю, - рассказывает Клавдия Петровна. - Как вышла на пенсию, так сразу и устроилась сюда на подработку. Шумновато мне здесь конечно показалось поначалу, дети у нас нынче ой, какие шумные, не то, что раньше, но потом ничего, привыкла. А когда перешла в ночные вахтеры, так и совсем красота. Сижу себе целую ночь одна, сама себе хозяйка. Хочу носки вяжу, хочу кроссворды разгадываю.

- Значит, этой ночью Вы были в здании школы совсем одна? - перебивает словоохотливую вахтершу капитан.

- Ну почему одна. С Васькой, - с улыбкой отвечает та.

- С Васькой? - переспрашивает капитан. - А он Вам кто? Внук? Муж? Знакомый?

- Ой, уморил! - вахтерша машет рукой на Прохина. - Знакомый! Васька - это наш школьный кот. Он вместе со мной по ночам дежурит. На полном казенном довольствии.

- Ага, понятно. Васька, это значит Ваш школьный кот. А при чем здесь вообще кот? - с сердитой озадаченностью спрашивает у вахтерши капитан, делая в своем блокноте какие-то пометки.

- А при том, - сердито отвечает она ему. - Васька их и обнаружил по началу. Этих... Господи, помилуй! Даже не знаю сама кого, - испуганно креститься старушка, начинает дрожать всем телом, вспоминая ночной кошмар.

- Клавдия Петровна, Вы ближе к делу, - успокаивает вахтершу стоящий рядом участковый.

- Значит, преступников обнаружил Ваш кот Васька? - спрашивает опять Прохин.

- Ну да, Васька, - отвечает ему Клавдия Петровна. - Здание старое. Район тоже. Вот мыши в школе и озоруют по ночам. Пособия грызут. Книги. Глобус в кабинете географии недавно так погрызли, что теперь не поймешь где там Африка, а где Австралия.

- Ближе к делу, Клавдия Петровна, - нетерпеливо торопит старушку Прохин.

- Ну, в общем, сижу я, вяжу носки. Слышу в библиотеке какой-то шум. Вахта у меня аккуратно рядом с библиотекой на первом этаже располагается. Ну, думаю, совсем нет спасу от этих мышей. Зову Ваську. Он, паршивец, на втором этаже любит сидеть. У аквариумов. На рыбок любит. Ну, беру его за шкурку и бросаю за дверь библиотеки. Пускай, думаю, наведет там порядок... А он как завопит оттуда от страха.... Сердешный! - старушка вдруг начинает рыдать в полный голос.

Стоявший у полок профессор Левин отрывается от изучения корешков книг, приносит ей стакан воды.

Та жадно пьет, немного успокаивается, затем продолжает:

- Слышу, начинает орать мой Васька в полный голос. Да так жалостливо, что у меня аж мурашки пошли по телу. Что ж там, думаю, такое творится? Хватаю битую...

- Что? - переспрашивает капитан, прекращает записывать и с удивлением впериывает взгляд в вахтершу.

- Биту. Ну, это такая палка деревянная. Вроде как для игры в лапту. Только не нашу, а американскую. У нас все дежурные вахтерши в школах теперь с битами дежурят. Для спокойствия. В нашем районе не только мыши по ночам озоруют.

- Ага, - кивает головой капитан. - Понятно. Ну и что дальше было, Клавдия Петровна? После того как Вы битую схватили?

- Вбегаю в библиотеку! Кто здесь моего Ваську обижает?! И вижу этих двоих... Один между полками шурует, второй из норы выглядывает и вниз все куда-то складывает.

- Что передает? Куда складывает? - спрашивает озадаченно капитан у стоящего рядом участкового. Тот грозит кулаком вахтерше.

- Разве здесь что-то украли, лейтенант? - строго спрашивает Прохин у покрасневшего от смущения участкового. - Я думал, они по ошибке сюда ход пробили. Перепутали направление.

- Да тут какая-то чепуха полная. Мы и говорить не хотели, что что-то пропало. Ничего ценного.

Участковый мнетя, вопросительно смотрит на капитана.

- И что здесь могло пропасть? - недоумевающим взглядом Прохин обводит помещение библиотеки.

- Книжки они украли, эти разбойники, - опять встревает в разговор Клавдия Петровна. - У нас тут старый фонд лежал на выброс, так они его весь выгребли. А совсем новые книжки даже не трогали. Только старые. Из советских времен которые еще были.

- Н-да, - задумчиво чешет карандашом голову Прохин. - Что Вы на это скажете, профессор?

- Я бы как раз хотел с Вами обсудить эту тему в более конфиденциальной обстановке, - отвечает ему Левин.

- Хорошо, - говорит ему сыщик и вновь обращается к вахтерше: - Итак, Клавдия Петровна, что произошло дальше, после того, как Вы забежали в помещение библиотеки?

- Который наверху был - подбегает ко мне. Я ему хотела битой по зубам, а он меня за руку схватил. Биту своими клыками пополам... А меня об стенку после так приложил, что я сразу сознание потеряла. И дальше ничего не помню.

- Простите, - растерянно спрашивает дежурную Прохин. - Вы сказали, перекусил битую пополам?

- Перекусил. Вон в углу обломки валяются.

Пронин подходит к месту, на которое указывает Клавдия Петровна.

Поднимает с пола обломок бейсбольной биты. Толстое дерево явно не сломано, а как будто перекушено пополам большими гидрокусачками для резки по металлу.

- Клавдия Петровна, а Вы хорошо себя чувствуете? - заботливым докторским голосом спрашивает у старушки Прохин.

- Чего уж тут хорошего, касатик. Столько всего за ночь пережить пришлось! - снова начинает причитать она.

- Понятно. Ну а как выглядели преступники? Какого роста были? Цвет волос? Какие-то особые приметы, кроме зубов, перекусывающих биты, у них были? Вы хорошо их разглядели?

- Как тебя сейчас вижу, - отвечает вахтерша. - А особая примета у них одна!

- Какая же, Клавдия Петровна? - с ласковой интонацией в голосе, как у доктора психиатрической клиники, спрашивает капитан.

- Не люди это вовсе были, а крысы здоровенные. Рыжие, и на задних лапах, как кенгуру. И еще, на головах у них такие шапочки были с антеннами. В общем, не дай бог мне еще такое увидеть. Васька после этого случая совсем малохолный стал. Лежит теперь наверху, глазами водит испуганно и даже на рыбок не реагирует.

Прохин закрывает свой блокнот. Вопросительно смотрит на профессора.

- Да, капитан, - отвечает тот, прочитав в глазах Прохина немой вопрос. - Вот именно про это я и хотел поговорить с Вами. А официальную версию оставим для Вашего шумного начальника и остальных членов правительственной комиссии.

ГЛАВА 3

СЕМЕЙНЫЙ СОВЕТ

Острозубое чудовище, с враждебным урчанием, притаилось совсем рядом, за углом, в темном сумраке каменного тоннеля.

Пашка слышит его тяжелое, злобное дыхание. Ядовитая слизь покрывает стены и пол коридора, холодно поблескивая в таинственном полумраке. Пашка совершает быстрый бросок вперед... С разворота на ходу вскидывает ствол оружия... Выстрел! Перезарядка. Выстрел!

В лицо летят брызги липкой зеленой крови. Куски склизкой плоти, как сырые котлеты о сковороду, шлепаются о плиты каменного пола. Чудовище с утробным ревом бьется в агонии у Пашкиных ног. Он легко перепрыгивает через поверженного монстра и продолжает свой бег по тоннелю. Коридор заканчивается ржавой металлической дверью. Что скрывается за прочной стальной поверхностью? Сколько еще опасностей подстерегает Пашку на этом уровне?

Входная дверь квартиры громко хлопает. Пашка вздрагивает от неожиданности.

"Папа пришел, - догадывается он. - Сейчас начнется!"

Пашка тяжело вздыхает. Закончилась его короткая передышка перед бурей ...

Теперь игра больше не привлекает Пашку. Он выключает компьютер. Монитор гаснет. Окно в таинственный мир инопланетного подземелья закрывается... Здравствуй, суровая реальность!

- Паша, - раздаётся за дверью Пашкиной комнаты тоненький голосок его младшей сестренки Веры. - Паша! Иди скорей. Тебя мама с папой ждут, - хитро улыбаясь, продолжает она, осторожно заглядывая в щелку двери Пашкиной комнаты. По угрюмому выражению Пашкиного лица сестренка понимает, что лучше ей сейчас держатся от брата подальше. Маленькая непоседа испуганно ойкает, и, передав свое важное "правительственное сообщение", быстро убегает в большую комнату, под надежную защиту родителей.

"Вот вредина, - про себя сердится Пашка.- А родители! Стратеги, тоже мне. Разведчика подослали..."

В возникшей ситуации он сразу начинает мыслить боевыми категориями. На войне, как на войне!

- Павел! - следом за сестрой настойчиво вторит из большой комнаты громкий мамин голос. - Выйди, пожалуйста, нужно поговорить!

Пашка, понурившись, выходит из своей комнаты.

Семейный совет в полном составе собрался за столом в большой комнате.

Мамино место - в центре стола, "в президиуме". Она как всегда работает. Внимательно перебирает какие-то документы на столе, что-то печатает на своем ноутбуке. Пашкина мама, Мария Степановна Герасимова, работает старшим экономистом в государственном банке, а папа, Андрей Иванович Герасимов, бухгалтером в том же банке. Вместе они представляют собой крепкую и счастливую семью бухгалтерских работников.

Папа Герасимов находится здесь же в комнате.

Ему уже все известно о Пашкиной утренней неудаче с экзаменами. Папа, заложив руки за спину, взволнованно ходит из угла в угол, меряя шагами просторы большой гостиной. Сурово нахмутив брови, он кутается в свой любимый домашний халат, брошенный, как тога римского полководца, на одно плечо. Выглядит он вполне воинственно, только на папином халате, как будто в насмешку над нарастающим драматизмом момента, несерьезно резвятся нарисо-

ванные герои диснеевских мультиков. Пашка понимает, что пестрая несерьезность папиного халата обманчива. Сам папа сейчас настроен очень серьезно. Он готовится произнести воспитательную речь.

На подоконнике, в стеклянном шаре круглого аквариума, шевелят разноцветными плавниками и пускают воздушные пузыри розовые рыбки -гуппи. Они толкаются, спешат занять лучшие места в своем театре-аквариуме. Уже устроившиеся в первом ряду гуппи с любопытством глазят из-за стекла на собравшихся, - ждут начала семейного "представления".

Соблюдающая семейный нейтралитет такса Матильда забралась под книжный шкаф. Её сердце разрывается от переполняющих её противоречивых собачьих чувств. Она очень не любит моменты, когда хозяева вдруг начинают громко между собой разговаривать. Матильда преданными глазами смотрит из-под шкафа на Пашку. Дипломатично вздыхает. Ты уж потерпи немного брат! Папа с мамой ничего плохого не сделают. А потом мы вместе пойдем гулять! - напоминает она, прищуривая на Пашку из под шкафа свои шоколадные глаза-бусинки.

"Мотья - человек!" - растроганно думает про свою любимую таксу Пашка. - "Только она одна меня и понимает!"

Матильда ободряюще машет ему из под шкафа своим куцым хвостом-веточкой.

Пашка медленно проходит к столу и останавливается в раздумье. Садиться ему или пока лучше постоять? Ближе к двери, ведущей из комнаты, он чувствует себя более безопасно.

Папа разрешает эту дилемму волевым порядком, подходит к Пашке и категорично указывает рукой на стул.

- Садись, Павел, разговор у нас с тобой будет серьезный.

Пашка садится.

- Ну что, Павел? - начинает папа издалека. - Расскажи нам, как твои дела? Как успехи в новой школе?

Пашка, насупившись, молчит и краснеет ушами. Увы, похвастаться ему сегодня особо нечем.

- Выходит, нечего тебе нам сказать? И чем ты все время в комнате у себя занят? Почему тебя не дозваться?! Наверное, какие-то важные дела у тебя там? - с притворным простодушием продолжает расспрашивать отец.

Пашка согласно кивает головой. Да, да, конечно, хватает у него важных дел. Папа наклоняется совсем близко к Пашкиному лицу. Внимательно смотрит ему в глаза. Пашка отворачивается и отводит глаза в сторону.

Папа, с интонациями "злого следователя" из полицейских фильмов в голосе, продолжает напирать на Пашку, закидывая его своими обличающими вопросами:

- Важные дела, говоришь? А я знаю, что за важные дела у тебя там! Ты там играешь! Признавайся, что играешь!

Пашка, не зная, что ответить, отрицательно мотает головой. Потом, немного подумав и вздохнув, опять кивает головой, на это раз утвердительно.

Конечно, он и играет тоже. Ну а кто теперь не играет?

Папа, с горьким разочарованием на лице, как будто подтвердились все его самые худшие предположения, говорит Пашке с горечью в голосе:

- Так я и знал! Играешь!

Он отходит к окну. Некоторое время, стоит, молча смотрит на улицу. Нервно барабанит пальцами по подоконнику. Сердито жуёт губами. Заметно, что папа начинает потихоньку закипать от негодования.

Диснеевские зверушки на папином халате, прекратив свое безмятежное веселье, притихнув в ожидании надвигающейся бури, кажется, делают с халата Пашке предупредительные знаки всеми своими руками, хвостами и крыльями: "Будь острожен! Не буди лихо!"

Пашка и сам бы рад. Но буря уже посеяна. И он, понурившись, готовится пожать свой невеселый урожай.

Сонные гуппи замерли, выстроившись в ряд в своем аквариуме, неторопливо обмахиваясь веерами своих плавников, с любопытством ожидают продолжения событий.

Продолжение не заставляет себя ждать. Папа кивает головой, принимая окончательное решение...

С суровым видом он оборачивается к Пашке и грозным голосом произносит:

- Ну вот ты и доигрался! Если не понимаешь по-хорошему, дальше будем разговаривать с тобой по-плохому!

От грозных раскатов папиного голоса гуппи в аквариуме и Матильда под шкафом тревожно замерли в тревожном ожидании, как перед раскатом грома, который должен последовать сразу за вспышкой яркой молнии.

Мама, до этого момента не проявлявшая желания вмешиваться в воспитательный процесс, отрывается от своих бумаг. С неодобрением качает головой, осуждая резкий педагогический "выпад" Андрея Ивановича.

- Андрей! - спокойно говорит она, обращаясь к мужу. - Давай по существу, пожалуйста. Спросил бы лучше у сына, что у него с экзаменом? Почему он не сдал тест?

Папа, нахмурившись, замолкает. Он не любит, когда его прерывают. Однако так повелось в их семье, что последнее слово всегда остается за мамой. Папа строго смотрит на маму. Мама, спокойно улыбаясь, смотрит на папу. Родители некоторое время молча сверлят друг друга глазами, никто не хочет уступать - выдерживают характер.

Пашка исподлбья тихонько наблюдает за борьбой семейных авторитетов. Конечно, ему достались не самые плохие папа с мамой. Но, как и все взрослые, они не лишены некоторых недостатков.

Взять хотя бы их идею фикс сделать из Пашки бухгалтера.

А Пашка жутко не любит всякую цифирь-математику и прочие точные науки. И вообще он по своему характеру недостаточно внутренне организован для такой ответственной и усидчивой работы. Но как это докажешь родителям, которые считают, что им самим лучше известно, что интересно и нужно в этой жизни их детям, а что нет.

Младшая сестра, Вера, сидит за столом рядом с мамой, и тоже с осуждением глядит на своего непутевого старшего брата.

Пашке кажется, что даже её смешные косички сейчас осуждающе топорщатся в его сторону. Он незаметно показывает сестренке язык. Вера тихонько пихает его ногой под столом. Пашка несильно своей ногой толкает сестру в ответ.

Папа замечает этот "обмен любезностями" под столом. Оживляется.

- Вот, - торжествующе говорит он маме, радуясь скорому подтверждению своих выводов относительно Пашкиного поведения.

- Вот, Маруся! Полюбуйся! Посмотри, кого мы с тобой вырастили! Четырнадцать лет человеку, а ума - как у семилетнего ребенка!

- Я не ребенок! - сердито пищит из-за стола возмущенная Вера, принимая папины слова на свой счет. - Мама! Скажи папе! Я уже в первом классе учусь! - Вера всерьез собирается плакать.

- А теперь все уговорите, пожалуйста, - мягко настаивает мама, глядя Веру по волосам.

Затем строго обращается к папе:

- Ну зачем ты так, Андрюша! Зачем так категорично? - она кладет руку на плечо Андрея Ивановича, пытаясь успокоить мужа. Тот, по инерции, еще продолжает ворчать и греметь, но уже как проходящая стороной гроза ворчит, грохочет и сверкает молниями где-то вдалеке, на безопасном для жизни расстоянии.

Папа, наконец, совсем успокаивается. Немного смягчившись, с досадой машет рукой, садится и, скептически улыбаясь, смотрит на маму. Мол, посмотрим, как ты сама сейчас со всем этим справишься.

По своему характеру Андрей Иванович человек строгий, но не злой. И уж конечно, точно никакой он не "злой следователь"... Даже наоборот, он вообще не любит никого воспитывать. По его мнению, в силу своей принадлежности к классу существ мыслящих, все люди, с самого рождения, должны совершать только правильные, осмысленные поступки. А того, кто так не делает, воспитывать бесполезно, и со временем, такой человек сам себя накажет.

Правда, эти идеалистические представления не мешают Андрею Ивановичу дома быть строгим отцом, а на работе - ответственным работником бухгалтерии.

Мама дождалась, пока все затихнет, и повернулась в сторону Пашки:

- Сейчас Павел нам сам все расскажет.

Папа опять саркастически фыркает. Театрально складывает на груди руки, с преувеличенным вниманием наклоняется в Пашкину сторону, мол, что он нам тут еще соврет, и с иронично нетерпеливым видом начинает ждать Пашкиных объяснений.

Пашка в смущении краснеет и еще ниже опускает голову.

Мама спрашивает Пашку:

- Павел, объясни нам, наконец, что произошло? Почему ты не смог сдать вступительный тест? Неужели задание было таким сложным?

Пашка еще больше краснеет, ниже наклоняет голову. Начинает бубнить себе под нос разные оправдания, и даже сам местами в них верит.

- Да нет, не сложный... Тест, как тест... Просто, я время не рассчитал. Вопросов было много, а времени мало.

- Времени ему было мало! - не выдержав, опять возмущенно вступает в разговор отец. - Нет! Вы посмотрите на него, времени ему не хватило! В компьютер играть и собакам хвосты крутить - времени достаточно, а как для дела, сразу времени нет! Смотри Павел... Пропадешь без высшего образования под забором!

Пашка возмущенно сопит носом, бормочет в ответ:

- Чего сразу под забором?

- А чего ты еще можешь ждать?! - гремит военной медью голос отца. Он опять завелся, несмотря на все усилия мамы провести переговоры в мирном русле.

- Ты что, сам не понимаешь, что впустую тратишь свое самое драгоценное время жизни! Сейчас, пока ты молод, свободен от всяких забот, именно сейчас тебе надо успеть всему научиться, узнать как можно больше, получить образование. Потом просто будет уже некогда!

- Ага, учиться! - не выдерживает, как ему кажется, несправедливых родительских нападок, и переходит в контратаку Пашка.

- Чтобы стать как вы бухгалтером и всю жизнь считать чужие деньги?!

- Кто тебе это сказал?! - возмущается папа Герасимов. - Только не говори мне, что эта мысль самостоятельно пришла тебе в голову! Вот всякие глупости слушать и запоминать ты можешь! А как простейший тест решить, - сообразительности не хватает!

Пашка, насупившись и упрямо поджав губы, втягивает свою голову в плечи. Кто тянул его за язык перечить родителям?

Но безропотно слушать очередное напоминание о его неудаче на сегодняшнем экзамене было невыносимо.

Папа опять находится в ораторском ударе. Теперь он обращается к Пашке с несколько преувеличенным театральным пафосом в голосе:

- Считать чужие деньги?! Да ты знаешь, что бухгалтер - это самая важная профессия на свете!

- Да, слышал я уже про это, - с досадой отмахивается Пашка, ругая себя, что вообще затронул эту тему.

- Что ты слышал?! - возмущается папа. - Маруся, он слышал!

- Андрей, по существу, пожалуйста! - строго напоминает мама отцу.

- А я по существу, - запальчиво говорит отец и повторяет еще раз в категоричной форме: - Бухгалтер - это самая важная профессия на свете!

- Даже важнее, чем космонавт? Даже важнее, чем артист в кино? - хитро спрашивает у отца Пашка, мысленно радуясь при этом, что разговор о воспитании и перспективах его печального будущего плавно перетек в область спора о приоритетах в профессиональном образовании.

- Да! Даже важнее, чем артист и космонавт! - запальчиво отвечает ему папа. И уже обращаясь ко всем громким голосом декларирует.

- Да вы вообще знаете, что без бухгалтерского учета и планирования, невозможно выполнить ни одной научной, военной и вообще любой другой задачи, ни одного проекта! Везде во главе угла стоит именно бухгалтер!

Сестренка прыскает в кулак. Паша с трудом удерживает серьезное выражение на лице. Мария Ивановна любит своего мужа.

- Ну, уж прямо и так, Андрюша? - с ласковой улыбкой говорит она.

- Да, представьте себе! - торжественно продолжает папа. - Ни один космический корабль никогда не долетит ни до какого Марса без предварительного планирования полетного бюджета и правильно составленной сметы транспортных и продовольственных расходов.

А экономическое обоснование при составлении общей внутрибюджетной стратегии на первоначальной стадии предполетной подготовки, это что, по-вашему, совсем неважно для успешной подготовки дальнего космического путешествия?!

Папа внезапно замолкает. Задумывается. Его взгляд скользит куда-то вверх, под самый потолок. Похоже, папу настигло бухгалтерское озарение. С ним это иногда случается. Папа шевелит губами, что-то высчитывая в уме. Наверное, составляет про себя смету космического путешествия.

Пашка вежливо кашляет в кулак. Вера громко зевает. Мама громко стучит стулом об пол.

Папа, очнувшись, смотрит на обращенные к нему лица домочадцев, спохватившись, смущается, и несколько скомкано заканчивает свою торжественную речь:

- Вот так. А ты говоришь, что бухгалтер - неважная профессия! Да на нас, бухгалтеров, Земля держится! - подытоживает разговор Андрей Иванович.

- Да, - соглашается с папой мама. - Поэтому, Андрей, мы сегодня с тобой кровь из носа должны закончить квартальный годовой отчет.

Папа согласно кивает Марии Ивановне головой. Они ласково смотрят друг на друга, целуются. Мама кладет на стол папку с бумагами. Папа открывает крышку ноутбука.

Пашка облегченно вздыхает. Острая фаза семейного "разбора полетов" осталась позади. Теперь надо решить еще несколько тактических задач и попытаться без потерь покинуть поле семейного боя, - получить разрешение на вечернюю прогулку с Юлой.

На помощь неожиданно приходит Матильда. Она начинает нетерпеливо лаять из своего убежища. Напоминает хозяевам, что её время "потерпеть" подходит к концу.

- В общем так, Павел - задумчиво говорит отец, быстро подводя итог семейной воспитательной беседы. Он уже весь с головой находится в любимой работе, что-то быстро печатая на клавиатуре, и разговаривает с Пашкой между ударами по клавишам, не отрываясь от компьютера:

- Я, конечно, не хочу настаивать на твоих профессиональных предпочтениях. Как ты сам решишь, так тому и быть. Но поверь, мы с мамой желаем тебе только самого лучшего. Да,

Маруся? - спрашивает он сидящую рядом с собой маму. Та, улыбнувшись, согласно кивает мужу.

- Экономическое образование - верный кусок хлеба! - говорит папа, быстро щелкая по клавишам ноутбука. - Прочная база для какой-нибудь другой профессии, которую ты потом захочешь получить. Послушай моего совета, - говорит папа попадая голосом в ритм ударов своих пальцев по клавиатуре, - основанного на личном жизненном опыте! Поступай на экономический! Не прогадаешь! Бухгалтерия первична! Все остальное - вторично! - как будто песню допев, заканчивает он свою мысль. Ставит в печатаемом тексте последнюю громкую точку клавишей, смотрит поверх крышки ноутбука на Пашку. Слушает ли его Пашка?

Пашка внимательно слушает...

Папа кивает головой, опять возвращается к клавиатуре, продолжает дальше быстро печатать, развивая план будущих действий:

- Завтра я поговорю с руководством твоей новой школы. А я верю, что скоро она действительно станет твоей школой! Объясню им, как смогу, причины твоей сегодняшней неудачи. Потом ты пересдашь тест. И не смотри на меня так! Пересдашь. И больше никаких игр! Пора становится взрослым, сын! Понимаешь меня? - строго спрашивает папа у Пашки.

- Да понимаю, - с готовностью соглашается тот с отцом. - Я уже и так почти не играю...

- А надо совсем прекратить! - настаивает на своем отец, внимательно смотря в экран монитора, выискивая в напечатанном тексте возможные ошибки и опечатки.

- Конечно, папа, - быстро соглашается с ним Пашка. И делает это так убедительно, что даже сам начинает верить, что легко сможет выполнить это непростое обещание.

- Вот и хорошо! - говорят папа с мамой. Поднимают головы от своих бумаг, смотрят на него с улыбкой. Они рады завершению сложного разговора, чуть не разросшегося до семейной ссоры. А Пашка-то как рад!

Розовые гуппи на окне тоже радуются вместе со всеми. Беззвучно аплодируют своими плавниками и хлопают большими сонными глазами из прозрачной глубины театра-аквариума.

Матильда счастливо лает из-под шкафа. Она тоже довольна, что все закончилось хорошо, и они с Пашкой наконец-то могут пойти погулять. Надышатся полной грудью свободой летней улицы.

Мама выходит из-за стола, подходит к Пашке, и, целуя его в макушку, говорит ласково:

- Надеюсь, ты все понял из сегодняшней беседы, Павел! Не будем больше расстраивать друг друга? - добавляет она уже более строгим "маминым" голосом. - И выведи, наконец, Матильду погулять во двор. Посмотри, совсем собака извелась.

Беседа завершена. Родители возвращаются к своим документам, с головой погружаются в работу.

Вера исподтишка показывает Пашке язык. Она довольна, что не только ей одной достается от родителей за плохое поведение.

Пашка тайком показывает сестре кулак. Вере всего семь лет, но у неё очень сложный характер и она иногда может вывести из терпения кого угодно.

Матильда уже сбегала в коридор и принесла оттуда в зубах свой поводок с ошейником. Положив все это свое собачье снаряжение у ног хозяина, Матильда нетерпеливо тянет за собой Пашку за штанину в коридор, на выход. Таксе уже совсем не терпится вырваться на улицу.

Пашка надевает собаке на шею поводок, и, еле удерживая рвущуюся на свободу стремительную таксу, нерешительно топчется на пороге комнаты. Ему надо задать свой последний очень важный вопрос, и он спрашивает, обращаясь к занятым своими делами родителям:

- Пап? Мам? Можно я вечером немного погуляю?

Папа отрывается от документов, смотрит на него рассеяно. Отвечает:

- Только недолго. Помни, у тебя пересдача экзамена! Самодисциплинируйся! Все! Иди, не мешай нам с мамой работать.

Отец опять наклоняется над документами.

Пашка довольно кивает головой в ответ, облегченно вздыхает. Ура! Свобода!

Он быстро идет в свою комнату и начинает торопливо собирать экипировку. В шесть часов встреча с Юлой на "Восточной" станции. Неприятности дня начинают тускнеть и терять все свое важное, как казалось еще совсем недавно, для Пашкиной жизни значение.

С ним всегда так бывает в предчувствии скорого незабываемого приключения.

Матильда с нетерпением лаает в коридоре, - торопит на прогулку.

"Сейчас, подожди, дружище. Сейчас я тебя выведу!"

Пашка и сам находится в нетерпеливом волнении. Он начинает экипироваться, готовиться к предстоящей вылазке.

Надевает на ноги любимые, с "нескользящей" резиновой подошвой, кеды, поверх футболки накидывает темную спортивную куртку с капюшоном, натягивает рабочие джинсы, прячет в карманы куртки матерчатые перчатки с резиновым накатом на ладонях. Туда же кладет небольшую видеокамеру, примотанную скотчем к фонарику с резинкой для крепления на голове. Кажется, все.

А, вот еще, чуть не забыл, - рация. Пашка выдергивает из зарядного устройства портативную рацию "Воки-токи". Игрушка, конечно, но на триста метров связь держит. Вот теперь точно все! Посидеть на дорожку, и в путь.

"Может быть, в последний раз сегодня иду", - грустно думает Пашка, но сразу мысленно себя одергивает: "В смысле - в крайний!"

В последний, то есть крайний раз - это значит, что когда-нибудь ему все равно придется прекращать свои подземные вылазки с Юлой. Если родители узнают про это его хобби! Тогда терпение даже таких добрых, как Пашкины мама и папа, родителей, может оказаться небезграничным... А ему не очень хочется испытывать на себе границы этого терпения, особенно теперь, в свете всех его последних школьных неудач.

Да и что говорить, отец, конечно, прав! Когда-то приходит время становится взрослым, но сегодня... "Ладно, сегодня точно в самый последний раз!" - решает про себя Пашка.

Пашка с Матильдой спускаются во двор дома. Следом увязывается Вера. Ей скучно одной дома с родителями.

Матильда с веселым лаем начинает носиться по кустам, распугивая наглых дворовых ворон. Роет носом землю, пытаясь выискать на газонах только ей одной видимых барсуков.

Сестренка жалобно канючит неподалеку.

-Паш, а Паш, - ноет она.

- Чего тебе? - сердито спрашивает Пашка свою вредную сестренку.

- Возьми меня с собой погулять, - ноет сестра плаксивым голосом.

- Еще чего! Возьми-ка ты лучше сама погуляй с Мотькой, - отвечает Пашка сестре, вручая ей в руки собачий поводок.

-А-а, хитренький, - начинает капризно ныть сестренка Вера. - Это тебе родители сказали с Мотькой погулять.

- Мне надо срочно по делам, - говорит Пашка. - А тебе сейчас все равно делать нечего.

- А что ты мне за это дашь? - хитро блестит глазами Вера.

- Волшебный камень, - обещает ей на ходу уже убегающий со двора Пашка. - Красивый блестящий волшебный камень.

- Ну, смотри! Ты обещал!- с радостным ожиданием в голосе кричит ему в след маленькая сестра.

Матильда провожает Пашку залиvistым лаем, изо всех сил виляя ему своим куцым хвостом палочкой на прощанье.

ГЛАВА 4

Ковбои подземки

Дребезжащий трамвай везет Пашку на окраину города. В вагоне почти пусто. Только в самом дальнем его конце, покачивая головой на поворотах, дремлет, одетая в яркий оранжевый жилет, толстая не улыбающаяся кондукторша.

Пашка сидит у самого окна. Больно подпрыгивает на жесткой пластмассе трамвайного сидения, следом за дергающимся и громыхающим на стыках рельс, трамвайным вагоном. Любуется медленно, "с трамвайной скоростью", проплывающим за окном городским пейзажем. Трамвай, как большая гусеница, извивается на поворотах, резиновыми сочленениями своего корпуса, неспешно катит по опустевшему дневному городу.

Пашке нравится это время дня. Время, когда все еще на работе, и на городских улицах почти нет людей. Пашка смотрит на проплывающую за окном трамвая улицу. Улыбается про себя. В приятном волнении представляет приближающиеся события сегодняшнего вечера.

Трамвай начинает круто поворачивать. Вагон резко подбрасывает. Сильный толчок будит дремавшую на своем "кондукторском" кресле контролершу. Она открывает глаза. С подозрением смотрит на Пашку. Вспоминает, что пассажир уже "обилечен", вновь погружается в чуткий "служебный" сон.

Динамик внутренней трансляции в трамвае приятным женским голосом объявляет конечную остановку. Голос девушки-диспетчера в динамике трамвая напоминает Пашке эпизод из когда-то давно просмотренного им фантастического фильма.

В этом эпизоде диспетчер таким же приятным, доброжелательным, но в то же время ровным и безэмоциональным голосом "доброго робота" ведет отсчет времени, оставшегося до взрыва космической станции...

"До взрыва станции осталось десять секунд, до взрыва станции осталось девять секунд, до взрыва станции осталось...", - почему-то именно сейчас вспоминается Пашке этот небольшой эпизод из малозначительного старого фильма.

Трамвай, заскрежестав тормозами, останавливается. Кондукторша, качнувшись вперед всем своим грузным телом, чуть не падает в проход вагона, чудом удерживается на узком сидении кресла, открывает глаза. Серdito трясет головой спросонья. Окончательно просыпается. Нагоняет на свое полное, красное лицо начальственную важность, кричит противным командирским голосом: - Конечная! Освобождаем вагон! Трамвай идет на кольцо!

Пашка смотрит на часы. Спешить пока некуда. До встречи с Юлой остается еще минут пятнадцать свободного времени. Он выходит из дверей вагона. Осматривается по сторонам. Трамвай с грохотом покатился дальше, в сторону расположенного неподалеку трамвайного кольца.

Пашка стоит посередине улицы, на самом пересечении связанных в один узел рельсов трамвайной развязки, блестящий на ярком солнце. Вокруг неспешно течет медлительная жизнь летнего пригорода.

Пашка не торопясь идет по направлению к станции метро.

Ему нравится район города. Станция "Восточная" находится на самой границе городской черты, на месте стыка городской цивилизации и почти дикой природы.

Это то место, где жилые кварталы современных сверкающих стеклом и металлом зданий многоэтажных домов плавно сходят на нет, превращаются в небольшие пригородные домики старой постройки высотой в один-два этажа. Домики теснятся вдоль как будто прочерченной скальпелем, блестящей на солнце ровной линии железнодорожных путей, отделяющей город от густой чащи пригородного леса. Заросли деревьев совсем близко подступают к самому полотну железной дороги.

Станция метро так же располагается вблизи железнодорожных путей. Невысокое приземистое здание с вытянутыми узкими вертикальными окнами во все стороны обнесено по периметру высоким забором на каменном парапете и пущенной по самому верху для красоты

и надежности чугунной решеткой. Кованые секции решетки выполнены с претензией на старый имперский стиль и увенчаны сверху копиями пик с грозно торчащими в небо острыми наконечниками.

Забор неприступной стеной окружает здание станции, защищает станционное пространство от нашествия железнодорожных "зайцев" и других "несознательных элементов".

Больше всего здание станции напоминает Пашке укрепленный военный дот или средневековую крепость. В общем, форпост прогресса на краю цивилизации.

Пашка покупает в уличном киоске горячий, "с пылу с жару", как громко кричит, рекламируя свой товар, восточного вида продавец, пирожок с яблочным повидлом.

Удобно расположившись на каменном парапете ограждения, отделяющего железнодорожные пути от улицы, он начинает с аппетитом жевать свой скромный ужин. Юлы пока не видно. Яблочный джем выдавливается из расплзшихся краев пирожка и горячими каплями падает на рукав куртки.

Пашка невозмутимо слизывает джем прямо с одежды, запихивает остатки пирожка целиком в рот, почти не разжевывая, проглатывает, и, утерев губы все тем же рукавом, опять смотрит на часы. На циферблате ровно шесть часов вечера. Юла по-прежнему явно не торопится.

"А мне говорил, чтоб как штык, ровно в шесть, без опозданий!" - сердится на Юлу Пашка. Откинувшись спиной на выпирающие чугунные ребра прутьев ограды, продолжает терпеливо ждать своего непунктуального напарника.

От нечего делать начинает с любопытством крутить головой по сторонам, наблюдать за происходящей вокруг жизнью.

Рабочий день заканчивается. Станция метро потихоньку оживает. Горожане возвращаются с работы домой. Несмотря на отдаленное расположение, этот район города, как и все другие районы больших городов, уже достаточно плотно заселен и активно продолжает расширяться, отесняя пригородный лес стеной высотных зданий современных новостроек.

Из стеклянных дверей станции начинает выливаться густой поток пассажиров. Человеческая река становится все шире, все плотнее. Вот она уже превращается в мощный поток. Заполняет собой окрестные улицы и прилегающие к улицам проулки. Через какое-то время сила потока начинает спадать. Разбивается на мелкие ручейки - отдельные группы людей. Ручейки превращаются в одиноких прохожих. И вот все они тихонько тают, бесследно исчезают во дворах и подъездах близлежащих домов.

Пашка смотрит на усталые лица возвращающихся домой с работы людей. Думает про себя о том, что придет время, он тоже вырастет. Как и все станет взрослым, ответственным человеком. Появятся у него, как и у всех взрослых, свои семейные заботы, проблемы и обязанности. Как все, каждый день, начнет скучно ходить на скучную работу. Будет зарабатывать свой верный, как говорит папа, кусок хлеба.

Пашка с возмущением трясет головой.

Неужели, это на самом деле когда-то случится с ним?

Он не верит и не хочет верить в это!

Неужели все эти идущие мимо него люди забыли, что когда-то были такими же, как он сейчас, подростками? Мечтали, как и все в этом возрасте, о далеких путешествиях, таинственных приключениях и героических подвигах...

Почему они стали такими скучными, усталыми от жизни обычными пассажирами метро? Неужели совсем-совсем не помнят того, о чем мечталось в детстве?

"Странно!" - недоумевает про себя Пашка. - "У взрослых гораздо больше возможностей для интересной жизни, чем у детей. А жизнь у них почему-то гораздо более скучная и неинтересная".

"Со мной такого точно никогда не случится!" - говорит он сам себе убежденно. Решительно встряхивает головой. Нет, он точно не станет таким скучным, занудным взрослым, когда

вырастет! А все потому, что у него есть своя тайна. Секретная, как у супергероя из комикса, вторая жизнь! И это не та жизнь, где он каждый день ходит в школу, решает дома унылые учебные задания и получает периодически головомойки от учителей и родителей, а другая, полная опасностей и веселого риска жизнь "зацепера"! Опасная жизнь подземного ковбоя и лихого наездника на железнодорожных вагонах. Незаметно для Пашки появляется Юла. Приветственно толкает друга локтем в бок.

Он даже не думает извиняться за свое опоздание. Говорит бодрым, как будто ничего не случилось, голосом:

- Чего задумался Паха? Давай, просыпайся! Двигаем!

Пашка отрывается от своих мыслей. Поднимает голову, смотрит на Юлу. На лице Юлы играет его обычная задиристая улыбка.

Он машет рукой перед Пашкиным носом, призывая своим нетерпеливым жестом: "Давай уже очнись! Идем скорей!"

Юла одет, как и Пашка, строго, по-походному. Такая же темная куртка. Те же рабочие джинсы и кеды на ногах. На голове у Юлы повязана его любимая черная "пиратская" бандана с черепом и костями.

Пашка в знак согласия машет в ответ рукой. Ладно, проехали с извинениями за опоздание! Юлу все равно не исправишь.

Согласно кивает ему головой: "Да, двинули!"

Пашка поднимается с каменного поребрика. По инерции идет по направлению к стеклянной двери входа в метро. Юла его насмешливо одергивает:

- Ты чего Паха? Ты бы еще жетон купил, и через турникет!

Юла берет Пашку за плечи, разворачивает к себе лицом, говорит суровым голосом, показывая пальцем в противоположную от входа в метро сторону:

- Наш "вход" в другой стороне, зацепер!

Потом внимательно смотрит на Пашку, сочувственно качая головой:

- Кисло выглядишь! Сильно сегодня от предков досталось?! Все из-за экзаменов своих расстраиваешься?

- Да нет! Нормально уже все. Просто родители сегодня немного больше обычного по мозгам поездили, - пытаюсь выглядеть бодрым, отвечает Пашка.- В ообщем, все неприятности уже побоку!

Юла дружески толкает его в плечо рукой:

- Ну и отлично, что побоку! Давай соберись уже! Под землей думать будет некогда! А то думалку в раз снесет! Отвечай потом за тебя, - сердито добавляет он, затем решительно по-командирски машет рукой: - Теперь пошли за мной! Здесь недалеко. Сейчас такое место покажу - закачаешься!

Пашка с Юлой быстро идут вдоль линии железной дороги. Дорога с двух сторон засажена старыми тополями. Посаженные в ряд они образуют целую аллею, похожую на огромный зеленый коридор. Кроны разросшихся деревьев смыкаются наверху и создают настоящий свод из сплетенных между собой мощных разлапистых ветвей.

Тополиный пух летает между стволами деревьев, назойливо лезет в глаза, липнет на лицо и путается в волосах.

Ребята продираются сквозь пахнувший мокрой корой и болотной сыростью придорожный кустарник. Потом перебираются через какие-то покосившиеся заборчики, протискиваются между шаткими конструкциями старых заброшенных гаражей и ржавыми частями железнодорожной техники, разбросанными где попало среди густых колючих зарослей репейника придорожного пустыря.

Наконец они выбирают на небольшую поляну, расположенную немного в стороне от дороги, прямо посередине зарослей запущенной тополевой аллеи.

Неподалеку сквозь листья деревьев виднеется построенное из красного "английского" кирпича какое-то промышленное здание старой постройки, похожее то ли на склад, то ли на цех заброшенного завода. Вдалеке слышится шум проезжающей электрички.

Юла останавливается. Говорит отдышавшись:

- Все! Прибыли. Теперь смотри внимательно. Видишь?

Пашка осматривается по сторонам. Поляна, как поляна. С одного края лежат сложенные аккуратно елочкой черные пропитанные смолой шпалы, пахнувшие на солнце резким керосиновым запахом.

С другого края поляны, у самых кустов, стоит продавленное кресло, с торчащими из-под порванной драпировки сидения, ржавыми пружинами. Рядом с креслом на земле чернеет пятно старого кострища. Неподалеку врыт ножками в землю перекошенный трехногий, видимо забытый одной из отдыхавших здесь компаний, мангал. Посредине полянки стоит небольшая, заросшая со всех сторон розовыми цветами иван-чая и стеблями темно-зеленой крапивы, будка, похожая на трансформаторную. Будка построена из такого же красного "английского" кирпича, как и виднеющиеся неподалеку здания. Стены будки испещрены разноцветными узорами вездесущего граффити не очень хорошего исполнения.

- Ну и что я должен здесь увидеть? - внимательно оглядываясь по сторонам, спрашивает Пашка у Юлы. - Пустырь как пустырь, - говорит он и с вопросительным удивлением смотрит на Юлу.

Юла загадочно улыбается. Подходит к будке. Останавливается.

Показывает рукой. С правой стороны, в стене, находится металлическая дверь, закрытая на здоровый, старинный "амбарного" вида замок.

- Наш новый "ход"! - торжественно объявляет Юла. - Я его на той неделе обнаружил. Силой ума и методом личной дедукции!

Юла самодовольно улыбается и хвастливо стучит пальцем по своему крепкому лбу.

Пашка молча подходит к дверям будки. Трясет замок за массивную дужку.

Замок выглядит очень крепко и по-старинному надежно. Пашка с недоумением смотрит на Юлу.

- Юла, а какой смысл от запертого "хода"? Чего ты меня сюда вообще притащил? Показать этот красивый замок? Спасибо! Я чуть все ноги себе не переломал, пока сюда добрался! - сердито говорит приятелю Пашка.

- Подумаешь, ноги он чуть не переломал! - сердится в ответ Юла. - Ты зацепер, или кто? А насчет замка не переживай!

Юла нагибается над замком, немного возится с ним, говорит с интонациями фокусника: - Сим-сим, откройся!

Отходит немного в сторону. Торжественно показывает Пашке рукой на открытую дужку. Снимает замок с дверей. Пашка в восхищении качает головой.

- Ну ты мастер, Юла!

- Есть немного, - отвечает польщенный Юла. - Правда, я этот замок сам сюда и повесил. Пашка вопросительно смотрит на товарища.

Юла поясняет:

- Дверь до этого вообще была на обычную гайку с винтом закручена. Я гайку открутил, а на её место замок повесил и запер. Чтобы всякие посторонние личности сюда не лазили! Замок купил на барахолке неподалеку. Копейки... Не съел два мороженных. И еще ключи к нему в придачу выдали. Вот смотри. Один тебе, другой мне.

Юла показывает Пашке два массивных, металлических, выполненных "под замок" ключа. Протягивает один Пашке. Пашка берет ключ в руки. Рассматривает. Да... старина. Кладет ключ в карман.

Юла уже открывает дверь будки. Делает приглашающий жест рукой.

- Заходи! Не стесняйся! Будь как дома.

Пашка, пригнув голову, осторожно входит в низкий проем. Юла входит за ним следом. Закрывает за собой наружную дверь.

В будке стоит прохладный полумрак. Пахнет цементной пылью и сырым кирпичом. Под потолком комнатки небольшие окошки, застекленные грязными двойными стеклами. Солнечные лучи еле пробиваются сквозь узкие бойницы оконных рам. В помещении нет никакой обстановки. Голые кирпичные стены, неровно выложенные красным кирпичом. Голый цементный пол. То есть абсолютно пустая голая комната.

Юла уже стоит посередине помещения. Приседает над чем-то расположенным в центре пола. Достает из кармана универсальный раскладной ножик с инструментами, открывает широкую отвертку, пытается, поддеть что-то на полу у своих ног.

Пашка подходит к напарнику. Смотрит, чем он так сосредоточенно занят.

В полу находится большая квадратная крышка металлического люка. Пашка присаживается рядом с Юлой. Рассматривает люк. На его рифленой поверхности выдавлен металлический барельеф - рука, сжимающая пучок молний. Рука торчит из клубящегося густого облака с бьющими во все стороны лучами, изображающими, по-видимому, сияние солнца. Вокруг барельефа надпись на русском языке, но со старинными ятями. Пашка читает вслух: "Гелиось. Электротехническая компания на паяхъ. 1897 годъ"

- Старинный, - говорит Юла, поддев наконец своей отверткой край крышки люка. - Сейчас дальше увидишь. Лестница там тоже старинная.

Пашка помогает Юле откинуть в сторону открытую крышку люка. Открывается вход в шахту. Пашка осторожно заглядывает в зияющий проем. Удивлено ахает.

Колодец шахты уходит вертикально вниз. По краям колодца расположены ступени винтовой лестницы. Ажурные чугунные ступеньки спиралью закручиваются в темноту проема. Снизу тянет запахом горелой резиновой изоляции и машинного масла. Запахом подземки. Пашка смотрит на круто уходящие в глубину ступеньки. От такого крутого виража спиральной лестницы у Пашки начинает кружиться голова. Он сглатывает слюну. Растерянно смотрит на Юлу.

- Страшно? - смеется Юла. Ему все нипочем. - А я уже разок слазил. Двадцать три метра! Там циферки железные на стене есть. На каждом метре такая метка с цифрой стоит.

- Ты что, до самого низа спулся? - спрашивает Пашка, с восхищением глядит на Юлу.

- Конечно! Да ты не бойся. Лестница крепкая. Чугун! А вниз лезть - не вверх. Как на девятиэтажный дом забраться, только наоборот. Главное - в лестничный пролет не смотри. Смотри на стенку перед собой. Ну, все, полезли!

Ребята надевают на головы свои налобные фонарики на резинках. Натягивают на руки перчатки. Пашка включает камеру. Они с Юлой фиксируют все свои поездки, или "старты", как называют эти вылазки сами зацеперы между собой, на видеокамеру. Потом такие фильмы-отчеты выкладываются в сеть и обсуждаются в "зацеперских" сообществах. Там друзья Пашки и Юлы по экстремальному развлечению сообщают о своих успехах, рассказывают о новых трассах и делятся последними новостями.

Юла спускается в колодец первым. Пашка с опаской, прижимаясь спиной к грубой кирпичной кладке стены тоннеля, двигается следом. Каждый шаг по ступеням лестницы гулко отражается от каменных стен колодца. Пашка, как и советовал Юла, смотрит перед собой. Но чувство операторского долга берет верх над чувством страха высоты. Он наклоняет голову вниз, над самым стволом шахты. Снимает некоторое время, направив камеру объективом вниз. Луч фонаря, не долетев до дна, теряется в подступающей из самой глубины шахты темноты. У Пашки начинает кружиться голова. Он опять прижимается к лестнице. Вдавливается щекой в кирпичную кладку. Кирпичная стена, видимая в круге света его фонаря, совсем близко - у

самого лица Пашки. Он видит перед самым своим носом металлическую цифру "7", вбитую между кирпичей.

"Семь метров уже прошли, осталось еще шестнадцать" - думает он про себя. Поднимает голову вверх. Квадратное отверстие входа в шахту светлеет где-то уже высоко над самой головой. Пашка еще плотней вжимается спиной в стену тоннеля, продолжает с опаской свой спуск короткими, осторожными шагами перебирая ступени лестницы. Юла уверенно топает ногами по ступеням прямо под Пашкой, чуть ниже по лестнице. Свет его фонарика четким кругом освещает место его спуска. Юла, кажется, даже не особо смотрит себе под ноги. О чем-то громко рассказывает. Пашке становится легче от такого уверенного поведения своего напарника.

"Юла может, значит, и я могу" - приободряет себя Пашка. Он начинает прислушиваться к тому, о чем рассказывает Юла.

- Когда на "Заводской" вход закрыли, - говорит Юла, громко шлепая своими кедами по чугунным ступеням, - я решил разведать направление по этой ветке. Когда-то надо попробовать свои силы по-настоящему. Да и просто надоел весь этот детский сад на "Центральной". Сам знаешь, там один сплошной выпендрей перед девчонками. Проехал станцию. Покрывлялся между вагонами. И уже герой!

- Мы сами так начинали, - отвечает ему Пашка, пытаясь быть справедливым.

- Начинали, - соглашается с ним Юла, - а как же профессиональный рост?!

- Слушай, Юла, - отвечает ему Пашка и даже на время немного отвлекается от своего опасного спуска по лестнице, - какой профессиональный рост? Ты что до пенсии собираешься на крышах вагонов гонять? Или будешь деньги таким способом зарабатывать?

Юла некоторое время молчит. Слышно как он сосредоточенно дышит и даже шаги его стали звучать несколько отстраненно. Пашка понимает, что Юла обиделся.

- Знаешь, Паха, - наконец отвечает ему Юла, - я тебя за собой специально не таскаю. А с тобой катаюсь, потому что вижу, что ты можешь немного больше, чем другие. Ты если испугался, так и скажи. Я и сам без тебя справлюсь.

Пашка отрицательно машет головой, мол, нет-нет он не испугался, но Юла не видит в темноте этого поддерживающего жеста участия со стороны своего товарища, продолжает с жестким упрямством в своем голосе:

- А по "большому кругу" я все равно проеду. А ты можешь валить отсюда, пока не поздно. Чтoб я тебя под землей за собой не таскал за руку. Иди, учись на своего бухгалтера!

Пашка не обижается на "бухгалтера". Он понимает, что зря обидел Юлу своими дурацкими вопросами. Пытается сгладить возникшую между ними заминку, начинает оправдываться:

- Да нет, Юла! Я так просто спросил. Конечно, мы вместе! Я тоже хочу по "большому кругу".

Юла перестает сердиться, уже более миролюбивым голосом объясняет Пашке:

- До пенсии я, конечно, гонять не собираюсь, и денег зарабатывать на "зацепе" тоже вряд ли получится. Хотя жалко! Просто я привык все до конца доводить, за что берусь. Вот когда проедем "большой круг" за один заход, утрем нос этим соплякам с "Центральной", вот тогда можно чем-нибудь другим заняться. Пойдем в какой-нибудь кружок авиамоделизма запишемся. Или в фотоклуб.

- А что? Мне фотографировать нравится, - отвечает ему Пашка, - только нам с тобой уже поздно в кружок.

- Ты лучше резкость в камере не забудь поставить как надо, фотограф, а то получится как в прошлый раз, одни зеленые приведения с лампочками во лбу и все размытые, как под водой, - незлобиво подкалывает его Юла.

Потом вдруг замирает, светит вокруг себя фонариком и говорит Пашке:

- Смотри под ноги. Пришли.

Спрыгивает куда-то вниз. Пашка смотрит под ноги. Лестница заканчивается небольшой площадкой из листового железа, проклепанного круглыми железными заклепками. Площадка ограждена все теми же ажурными чугунными перильцами. В узор перил вплетен тот же барельеф, что и на крышке люка сверху. Рука с зажатым в кулак пучком молний и все с той же надписью выбитой на металле, "Гелиос".

Пашка свешивается через перила площадки. Смотрит, куда подевался Юла. Юла уже стоит внизу, на дне не очень высокого туннеля. Тоннель уходит в обе стороны от ствола шахты, по которой ребята спустились сверху. Этот небольшой тоннель явно не основная магистраль подземной дороги. Это, скорее, какое-то техническое ответвление от основной ветки метро. Края шахты выложены не чугунным тюбингом для крепежа стен, как везде в метро, а укреплены деревянной обрешеткой из толстых крепких стволов мореного дерева. По дну тоннеля проходят рельсы. Не заметно никаких следов электропитания. И вообще никаких электрических кабелей.

Пашка спрыгивает с края площадки следом за Юлой. Падает на груду мягкой глины. В некоторых местах деревянная опалубка крепления стен разъехалась, и из этих щелей мягкими языками на пол выдавливаются куски влажного грунта. Пашка приземляется на одну из таких куч земли. Он перекачивается через руку и съезжает на спине к самым рельсам на дне тоннеля.

Юла протягивает ему руку, помогает подняться.

- Слушай Юла, - спрашивает Пашка, оглядываясь, и светит фонариком по сторонам, - а как ты вообще это место раскопал?

- Случайность, - небрежно отвечает Юла, потом не без гордости добавляет: - и немного любознательности. Направо сейчас идем. В левой стороне тоннель решеткой закрыт. А замка с ключом от той стороны мне еще не выдали. Я там в прошлый раз был. Только одному тоскливо стало. Потом вместе сходим, разведем, что там.

Ребята светят себе под ноги фонарями идут направо по тоннелю, прыгая по шпалам на дне шахты.

- Когда "ход" на "Заводской" закрыли, я решил поискать новый. Не единственная же это была вентиляционная шахта на всей подземке! - рассказывает Юла, пока они идут на выход из тоннеля.

- Полез сначала в интернет. Там узнал, что все самые интересные и нестандартные объекты на метро были построены до 1950-х годов.

- А почему до этого времени? - интересуется Пашка.

- Потому, что с первых лет появления метро до пятидесятых годов в метростроении преобладало специализированное строительство. Строили много объектов, не связанных с перевозкой пассажиров. Подземные убежища. Секретные заводы. Разные хранилища.

Пашка с уважением смотрит, как Юла без запинки выговаривает все эти сложные слова. Заметно, что Юла серьезно изучил в интернете все материалы по этому вопросу.

- А позже пошло типовое строительство, - продолжает со знанием дела рассказывать Юла. - Никаких специальных проектов. Верхнее метро неглубокой закладки. Сплошные пассажиро-перевозки. В общем, всякая современная скукота...

- Ага, понятно, - Пашка внимательно слушает своего друга, кивает головой.

Юла увлеченно продолжает: - Ну, стал я рыться в схемах и чертежах. В интернете тоже кое-какие документы на эту тему попадаются. Выяснил, что если и искать неучтенные входы и выходы из подземки, то надо смотреть в основном на объектах старой постройки. Это направление самое подходящее оказалось. Здесь еще при царе, оказывается, дорога была подземная проложена. Мы по ней сейчас и идем. Здесь рядом завод был. Оружейный. Они по этой подземке продукцию свою на железную дорогу отгружали. В городе есть еще несколько таких старых подземоков, дореволюционных. В основном военного значения. В госпитале старом одна. Раненых вывозить. В старом зернохранилище еще одна, но там вроде все землей засыпали. А

здесь все как с тех времен было, так и осталось. В общем, повезло нам! - Юла стучит пяткой по ржавой рельсе.

Пашка смотрит на рельсы под ногами и говорит Юле: - Это значит, еще с тех времен рельсы проложены?

Юла пожимает плечами. Отвечает: - Наверно. Крепление из бревен на стенах шахты точно дореволюционное. - Продолжает рассказывать дальше: - В общем, нашел я одну схему старую. Пошел по ней. Добрался до старого заводского корпуса. Там уже нет никакого завода, конечно. Ну, я походил вокруг. Потом нашел эту будку. Смотрю, будка трансформаторная есть, а проводов к ней не протянуто. Забрался внутрь, ну, а дальше сам знаешь. - заканчивает свою историю Юла, обводя руками вокруг: - Теперь у нас есть "ход".

- Слушай Юла, - спрашивает Пашка, - а сами работники метро, что, про эту шахту совсем ничего не знают?

- Может, и знают, - беззаботно отвечает Юла, - а может, и забыли давно про неё. Посмотри вокруг, не очень-то заметно, чтобы здесь до нас кто-то появлялся.

- Так! - вдруг говорит он тихим голосом. - Теперь осторожно. Пришли.

Юла делает Пашке знак рукой остановиться. Ребята гасят свои фонарики.

Пашка внимательно всматривается в темноту тоннеля. Замечает, что темнота не совсем сплошная. Впереди еле брезжит слабым светом круглое отверстие выхода из шахты. Внезапно он ярко освещается. Свет, как яркие очереди фотовспышек из камеры, начинает резко бить по глазам. Мимо выхода из тоннеля с грохотом пролетают вагоны поезда метро. Пашка закрывает глаза рукой. В лицо пахнуло горячим воздухом с запахом горелой резины и сухим запахом высокого напряжения.

- Все, приехали! - говорит Юла. - Станция "Восточная". Вид сбоку.

Ребята осторожно выглядывают из бокового выхода в шахту основной магистрали. Пашка чувствует, как азартный озноб холодными мурашками пробегает по его телу. Юла стоит рядом, шепчет в самое ухо:

- Интервал три минуты. У нас еще две минуты в запасе. Стартуем с "дежурки". Видишь, там, у самой платформы. Отсюда до неё метров двести.

Пашка всматривается в сумрак тоннеля. "Дежурка" - небольшая площадка-платформа, оборудованная для безопасной работы в тоннеле путевых обходчиков, на первый взгляд находится совсем рядом. Но до неё еще надо добежать в почти полной темноте и совсем рядом с контактным рельсом. Фонарик включать нельзя. Яркий свет "галогена" в тоннеле легко могут заметить с пассажирской платформы.

- План поездки помнишь? - снова шепчет Юла. Фосфоресцирующие черепа на его бандане ободряюще ухмыляются Пашке: - "Не дрейфь, пацан! Прорвемся!"

- Помню-помню, - с досадой отвечает Пашка. - Ты сам, главное, не забудь. Кто сегодня на встречу опоздал? А еще говоришь постоянно, что время - это главное.

- Я же извинился, - не моргнув глазом отвечает Юла. - Так, давай все-таки еще раз прогоним план. Для закрепления.

Пашка начинает перечислять полушепотом по пунктам весь план поездки.

- Стартуем с "Восточной". Катимся две станции вперед. На "Вокзальной" - делаем "перекат" в обратную сторону. Потом - опять на "Восточную" и уходим в "ход". На всю поездку 12 минут. Кто опаздывает, того не ждут. - Последнюю фразу Пашка выделяет голосом специально для Юлы.

- Точняк. Молодец, Паха! Так все и сделаем, - радуется Юла, не удержавшись, подкалывает друга. - Пунктуален до мелочей. Настоящий бухгалтер. Ладно, пошли! Время!

Юла бежит на площадку первым. Он спрыгивает на пути. Четко придерживаясь середины, несется по тоннелю к платформе. Пашка следом за ним выходит на рельсы. Глаза уже

привыкли к неяркому свету, но он все-таки некоторое время стоит не шелохнувшись, присматривается.

Один неосторожный шаг в сторону чреват тяжелыми последствиями для жизни и здоровья таким коротким замыканием, что никакие резиновые подошвы от кед не помогут. "Только подошвы и останутся", - мрачно усмехается про себя Пашка, и бежит следом за Юлой.

Юла уже стоит на площадке. Машет рукой, торопит спешащего к нему из всех сил Пашку.

- Давай, Пахан, давай! А то поезд сейчас так подгонит, будешь лететь до самой "Центральной" с ветерком, - подгоняет он своего напарника.

Пашка забирается на "дежурку". Становится рядом с Юлой. Площадка небольшая, как раз для двоих человек. Сзади небольшая ниша с запертой дверью. На двери табличка - "Только для дежурного персонала". И почему-то наклейка со знаком опасности - череп и кости. "Служебный подземный юмор", - думает про себя Пашка. Подземка вообще, замечает он про себя, обостряет у человека чувство черного юмора. "Ну, правильно, под землей же темно", - опять думает Пашка. Юла показывает ему рукой. Приготовиться!

До поезда остается секунд тридцать. Пашка смотрит на пассажирскую платформу. Там стоят люди. Смотрят в ожидании поезда прямо в темноту тоннеля. Но Пашка спокоен. Он знает, что люди его не видят. "Для них я как человек-невидимка" - мелькает, не лишенная героического тщеславия мысль в Пашкиной голове.

Раздается резкий гудок приближающегося состава. Пашка с Юлой накидывают на головы капюшоны, поворачиваются спиной к поезду. Темной одежды почти не видно на фоне черных стен тоннеля. Поезд совсем близко проносится за спинами ребят. Пашка чувствует как горячий воздух, словно поршень огромного насоса, мягко, но настойчиво тянет его за собой. Он крепко держится за хлипкие поручни сваренных из тонкого металлического прута перил.

Поезд наконец проходит мимо, останавливается у платформы.

- Камеру включил? - шепчет ему в ухо Юла. Пашка кивает головой:

- Включил!

- Ну все! Поехали! - шепчет Юла, и бежит к заднему вагону состава. Пашка бежит следом. Поезд стоит полминуты. Надо успеть залезть на поезд, потом пробраться по крышам на самый первый вагон в голове состава. Иначе потом, когда придется "перекатываться" на нужной станции пересадки, возвращаясь на обратный маршрут, незамеченными будет не уйти.

Пашка с разбегу карабкается на нижнюю раму буферной площадки. Потом подтягивается на верхней перекладине задних дверей вагона, ловко закидывает тело на нижнюю кромку крыши. Осторожно, чтоб не сильно грохотать коленями по железу крыши, отталкиваясь носками ног и помогая себе локтями, забирается на крышу вагона целиком.

Уфф-ф! Есть контакт. Забрался удачно. "Хорошее начало - половина дела", - думает про себя Пашка и смотрит вперед. Юла уже лежит на крыше в самом начале вагона. Ждет начала движения поезда. Чтобы потом перебраться, или как они это называют между собой, "перепрыгнуть" на следующий вагон. До следующей станции надо будет успеть сделать шесть таких "прыжков". И потом еще следующих шесть, - до станции пересадки. Громко шипит пневматика дверей. Двери с грохотом закрываются. Гнусавый голос диспетчера из динамиков громкой трансляции сообщает информацию по отправлению. Состав, вздрогнув, начинает движение. Юла тотчас соскальзывает в проем между вагонами. Пашка ждет, смотрит. Вскоре он видит, как Юла бойко забирается на крышу следующего вагона. Не зря он с утра до вечера качает свои плечи на дворовом тренажере. Но Пашка тоже достаточно подготовлен к таким путешествиям.

Он ловко на животе по-пластунски добирается до конца крыши. Смотрит вниз. "Детский сад младшая группа", - думает он про себя. Это новый вагон, соединенный со следующим современной сцепкой-площадкой. Не такой, как на старых составах, когда вагоны были соединены между собой буферной, опасной для лазанья, сцепкой. Но и сейчас, даже с таким относительно безопасным способом соединения вагонов, Пашка лишний раз старается не смотреть на

стремительно проносящиеся внизу шпалы рельс. Осторожно соскальзывает вниз. Аккуратно ставит ноги на небольшую площадку между вагонами. Смотрит в окно задней двери вагона. Пассажиры в салоне не замечают, что за окном кто-то находится. Некоторые дремлют, откинувшись на спинке сидений, кто-то читает книгу или играет на своем "планшетнике".

Пашка подтягивается на раме дверей, с силой оттолкнувшись ногами, без проблем забирается на крышу следующего вагона. Ему нравится чувствовать, как его тело легко подчиняется ему. "Я может, конечно, не такой закаченный, как Юла, - думает Пашка не без самодовольства, - но зато, я - жилистый. А для лазанья это важнее. Главное - жилы, а не вес".

Он опять смотрит вперед. Пахнувший электричеством и резиновой изоляцией теплый ветер подземки бьет ему в лицо. Остается еще три вагона. Юла тоже лежит впереди на крыше без движения. Передыхает. Пашка перекачивается на спину. Еле видимый в темноте потолок шахты стремительно пролетает над его головой. Расстояние до потолка где-то пол тора метра. И про это надо всегда помнить. Иначе и не сносить головы. Пашка достает из внутреннего кармана рацию. Нажимает клавишу связи.

- Юла! Ты как там? - спрашивает он в хрипящий помехами эфир. Станция в ответ все также безмолвно продолжает хрипеть и подвывать звуками пустого эфира. Потом, как из подводной глубины, раздается искаженный помехами голос Юлы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.